

Персональный апокалипсис

Автор:

Татьяна Коган

Персональный апокалипсис

Татьяна Васильевна Коган

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Андрей Немов никому не говорил о своем запретном и преступном желании убить человека. В детстве он стал случайным свидетелем убийства, и после этого им овладела навязчивая идея узнать, что ты чувствуешь, когда отнимаешь чужую жизнь. Он стал успешным и богатым, чтобы иметь возможность получить желаемое без проблем, ведь за большие деньги можно исполнить любой каприз... Томасу Крайтону во что бы то ни стало требовалось заработать нужную сумму на лечение дочери, и ради этого он готов пойти на любое преступление... Наивная глупышка Софочка мечтала о любви и хотела, чтобы ее возлюбленный наконец развелся с женой, и она из содержанок попала в законные супруги... Эти трое незнакомы между собой, но однажды им суждено встретиться, чтобы исполнить желания друг друга...

Татьяна Коган

Персональный апокалипсис

© Коган Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Желание не сводило скулы, не пульсировало болью в висках, не будило кошмарами по ночам. Желание было спокойным и трезвым, как расчетливый полководец, точно знающий, что битва состоится при любой погоде и будет выиграна непременно. Но произойдет это не ранее положенного срока. Ибо каждому событию – свое время.

Андрей Немов выпустил вверх струю сигаретного дыма, плеснул в стакан виски и подошел к окну. С высоты семнадцатого этажа мокрая от дождя мостовая блестела синтетической лентой. Такими иногда обвязывают большие подарочные упаковки, внутри которых обычно скрываются абсолютно бессмысленные предметы – вазы, статуэтки... Москва казалась Андрею именно таким громадным и нелепым подарком, перетянутым дешевыми тесемками дорог.

Однако все это лирика, спровоцированная передышкой после тяжелой трудовой недели. Пока вкалываешь с утра до ночи, на бессмысленные рассуждения не остается ни сил, ни желания. Но стоит немного расслабиться, и тут же накатывает. Андрей редко позволял себе расслабляться. Он зарабатывал деньги, как можно больше денег, которые требовались для осуществления его цели. Начиная с сознательного возраста – а может быть, еще раньше – все его действия были направлены исключительно на ее приближение. И вот впервые за долгие годы Андрей почувствовал, что цель действительно близка.

– Слышишь, трубу подними, я же знаю, ты дома, – насмешливый голос из сработавшего автоответчика вывел Андрея из задумчивости. Он поставил стакан со спиртным на подоконник и взял телефон.

– Да?

– Ты чего, скрываешься от клиентов, которые прогорели от твоего инвестиционного прогноза? – из трубки послышался смехок.

– Ха-ха, – мрачно ответил Андрей. Дипломированный финансовый аналитик, коим он являлся последние несколько лет, редко делал неверные прогнозы относительно направления движения фондового рынка. И дело даже не в том,

что Андрей был профессионалом в этой области. Он в совершенстве владел искусством сбора информации и умел дружить с нужными людьми. Многие его коллеги довольствовались открытыми сведениями из СМИ и отчетов компаний. Андрей же всегда копал глубже, стараясь раздобыть закрытую информацию. Он знакомился с теми, кто мог ее предоставить, и постепенно располагал к себе. Завацкий был одним из его многочисленных «друзей». Работал в крупнейшей нефтедобывающей компании, имевшей сильное влияние на биржевом рынке, а значит, являлся ценным источником данных.

– Андрюха, у тебя какие планы на ночь? – слышалось из трубки.

Андрей изобразил смятение:

– Старик, я очень благодарен за недавнюю инфу, но я не готов расплачиваться с тобой таким образом.

Завацкий рассмеялся:

– Жалко, конечно, но я как-нибудь переживу. Я в клубе «Зетт» сижу, и рядом со мной такие цыпочки. Приезжай, поделюсь.

Ехать никуда не хотелось. Часы показывали начало двенадцатого.

– О'кей, через полчаса буду.

Искусственно созданная дружба требует массу усилий. Однажды, когда цель будет достигнута и ему больше не понадобятся все эти ходячие источники информации, Андрей пошлет всех «друзей» куда подальше и наконец-то вздохнет свободно. Он, наверное, целый месяц просидит дома, ни с кем не общаясь и смакуя одиночество, столь непозволительное сейчас. Его окружение считало Немова слишком саркастичным, но все-таки душой компании. Знали бы они, чего ему это стоило.

Андрей прошел в ванную, почистил зубы. Закинул в рот две подушечки ментоловой жвачки. Умылся холодной водой и уставился в зеркало. Не очень хорошо он выглядел в последнее время – усталость давала о себе знать.

«Еще поплачь по этому поводу!» – мысленно одернул он себя. Переоделся в джинсы и клубный пиджак и покинул квартиру.

На улице было прохладно. За тридцать секунд, что Андрей шел к автомобилю, ноябрьская морось облепила лицо влажной маской. Он нырнул в салон и минуту сидел неподвижно, будто собирался с духом для победного рывка. Затем повернул ключ зажигания и вырулил на дорогу.

В клубе было людно и шумно, музыка гроыхала на полную. Уже изрядно пьяный Завацкий сидел в чил-зоне на диване и обнимал двух красивых блондинок. Одна дымила сигаретой, загадочно глядя из-под длинных ресниц, другая хохотала, наклоняясь вперед и демонстрируя глубокое декольте. У первой грудь была больше на пару размеров.

– А вот и он! – воскликнул Завацкий, обменявшись с Андреем рукопожатиями.

– И правда симпатичный, – заметила смешливая девица и снова приснула. Потом добавила: – Я Жанна. А это – Олеся.

Андрей улыбнулся и сел возле Олеси. Ее изучающий взгляд скользнул по его фигуре. За секунду она отметила дорогие ботинки и часы. Хищно втянула слабый аромат хорошего парфюма и удовлетворенно улыбнулась. Мимолетный мониторинг не остался незамеченным. «Что, стерва, довольна?» – злобно подумал Андрей. И без того не самое прекрасное настроение упало окончательно. Он ненавидел бары и увеселительные заведения всем нутром. Здесь он всегда скучал. Его не интересовали посиделки с алкоголем и феями. Но, к сожалению, в современном российском бизнесе совместная пьянка – самый эффективный способ ведения переговоров.

– А мы тут обсуждали, какая профессия должна быть у идеальной женщины, – пояснил приятель заплетающимся языком.

– И какие варианты озвучены?

– Антоша сказал, что акробатка, – хихикнула Жанна. – А ты как считаешь?

– А мне было бы достаточно обыкновенной шпагоглотательницы.

Все засмеялись. Олеся смерила его обещающим взглядом и облизала нижнюю губу. Он посмотрел на ее красивую грудь, обтянутую розовым трикотажем.

– А вот мы с подружкой – специалисты по бильярду. Любим погонять шары, – Жанну явно радовало ее вульгарное остроумие.

Часа через два Андрей понял, что терпение на исходе. К счастью, Завацкий был уже невменяем и не противился, когда Андрей решил вызвать ему такси и отправить в номера вместе с одной из дев. Он впихнул в машину приятеля, потом Жанну, велел ей позаботиться о друге. Девушка хохотнула и подмигнула ему. Вернулся в клуб, заплатил по счету. Помог Олеся надеть пальто.

Когда зашли в квартиру, она молча проследовала в ванную. Немов постоял минуту в раздумье, затем скинул одежду и пошел следом. Достал из шкафа новую зубную щетку, протянул гостю. Пусть для начала вычистит никотиновый налет. Утруждаться не хотелось, поэтому положил ладонь ей на темечко, заставляя опуститься на корточки, красноречиво давая понять, чего от нее ждет.

Спустя пятнадцать минут он вытерся полотенцем и оделся. Олеся, видимо, ждала чего-то большего и застыла в растерянности. Андрей вышел из ванной, но вскоре вернулся, положил на раковину двести долларов. Несколько секунд Олеся колебалась, не зная, как реагировать, но, похоже, осталась довольна. Взяла деньги и кокетливо положила в сумочку.

– Вызвать тебе такси?

– Да.

– У тебя красивое тело.

– Запишешь мой телефон? – предложила девушка, натягивая юбку.

Он отрицательно покачал головой.

– Пытаешься казаться оригинальным, да? – Олеся презрительно скривила лицо.

– Боюсь привыкнуть к тебе и увлечься. А это сейчас некстати, – сиронизировал Андрей. Олеся приняла за чистую монету и благосклонно чмокнула его в щеку.

– Я на всякий случай оставлю. – Она написала цифры на зеркале красной помадой.

Проводив девицу, Андрей открыл окно и с наслаждением вдохнул сырой воздух, пахнувший ядерной смесью озона и углекислого газа. Лег на кровать, долго ворочался. Мысли бродили беспорядочно, и он никак не мог направить их в определенное русло. Попробовал вспомнить лицо недавней знакомой, но вспомнил лишь цвет ее волос. Постепенно их белизна расплылась в серой дымке, а потом и вовсе затянулась темно-свинцовым, почти черным фоном. Андрей заснул.

Проснулся от холода. В комнату врывался ледяной ветер, свирепо дергал занавески, скидывал со стола бумаги, пытался оторвать приклеенные к монитору стикеры. Немов внимательно посмотрел на творящееся безобразие и накрылся одеялом с головой. В закрытом помещении ему всегда не хватало воздуха, поэтому он оставлял приоткрытой форточку или дверь. Вероятно, это была некая разновидность клаустрофобии. В детстве маленький Андрюша цепенел от ужаса, если родители не позволяли ему «морозить» квартиру. Они не могли понять элементарного: в замкнутом пространстве ты остаешься наедине с собой. Становишься беспомощным перед одолевающими мыслями. Мир, простирающийся за пределами комнаты, словно перестает существовать, и ты, лишенный притока свежего воздуха, теряешь способность противостоять внутренним монстрам. Они просыпаются, набирают мощь и все громче нашептывают то, о чем ты предпочел бы никогда не знать.

Когда Андрюше было семь лет, они поехали с родителями в гости к друзьям отмечать Новый год. Он хорошо запомнил тот вечер. Они долго добирались на метро, потом на автобусе. Вышли на остановке у нужного дома. Кирпичная пятиэтажка тонула подбитым кораблем в белых волнах снега. Мальчик сгорал от любопытства – прежде ему не доводилось встречать Новый год в компании взрослых.

Сверстники наводили на него тоску и казались ему тупыми. В первом классе, куда он пошел в этом году, Андрей общался с ребятами ровно столько, сколько требовалось, чтобы не прослыть изгоем. Учительница отмечала его обособленность, но в конечном итоге ребенок был смышленным, материал

схватывал быстро. Какие претензии?

В квартире Смирновых уже гуляли.

– О, наконец-то пожаловали! – встретил их хозяин дома, высокий широкоплечий мужчина. – И жениха для Олечки привели?

Олечка Смирнова, десяти лет от роду, выскочила из-за спины отца и уставилась на мальчика. Все засмеялись.

Андрюша сидел в кресле, пил сок и во все глаза пялился на мужчин и женщин, подмечая увлекательные детали. Тетя Шура – суетливая и неуверенная в себе. Переживает, понравится ли угощение гостям. Дядя Гриша – тщедушный веселый мужичок. Шутит и много пьет. Его жена – заботливая. Подкладывает ему салатов и мяса. Оля постоянно отвлекала Андрея от созерцания и предлагала то посмотреть на ее кукол, то поиграть в прятки, то устроить соревнование по скоростному поеданию конфет. Она раздражала так же, как и ее отец, дядя Семен. Андрюше он сразу не понравился: сидел за столом хмурый, как будто не радовался гостям.

Встреча Нового года не оправдала надежд и не закрепилась в памяти. Работал телевизор, звенели бокалы – вот и все волшебство. После полуночи детей отправили спать. Квартира была большая, объединенная из однушки и двухкомнатной. В дальней спальне Андрею постелили на диване. Он долго ворочался, перекладывал подушку, но сон не шел. Старые окна с деревянными рамами оказались плотно заклеены от сквозняков. Андрюша тихо оделся и выглянул в коридор. Из зала доносился шум, кто-то ругался. Особенно громко звучал голос дяди Семена. Мальчик незаметно проскользнул в коридор, натянул куртку, ботинки и выскользнул на лестничную площадку.

На улице стояла стылая январская ночь. Небо мерцало убаюкивающим серым цветом, в котором распускались и тут же гасли вспышки фейерверков. Детская площадка пустовала. Андрей забрался на качели, высунул язык, ловя снежинки. Он ни разу не гулял один в столь позднее время. Запретное удовольствие удваивало радость. Он беспричинно рассмеялся, но осекся, увидев, как из подъезда вышел мужчина. В слабом свете фонаря мальчик узнал Смирнова. Следом за ним появился дядя Гриша. Андрей перестал качаться, не желая, чтобы скрип качелей выдал его присутствие. Если его заметят, устроят нагоняй.

Мужчины о чем-то яростно спорили. По пьянке не могли сойтись в каком-то концептуальном вопросе. Они говорили на повышенных тонах, но расслышать слова с такого расстояния мальчик не мог. Неожиданно дядя Семен замахнулся и ударил собеседника кулаком в лицо. Тот пошатнулся, но удержался на ногах. Андрюша испугался за дядю Гришу – он был существенно ниже обидчика и казался обреченным. То, что произошло дальше, выглядело неправдоподобным. «Обреченный» накинулся на громилу, повалил его спиной на землю, схватил за волосы и несколько раз с силой ударил затылком о бордюр. Затем неторопливо поднялся и нетвердой походкой скрылся за углом дома. Смирнов лежал неподвижно.

Андрюша поборол страх и медленно приблизился к пострадавшему, который застыл, будто играл в детскую игру «замри-отомри». Мальчик наклонился над его лицом и отшатнулся. Глаза дяди Семена не мигая глядели прямо на него.

– Почему он не моргает? Разве можно так долго не моргать? – заволновался Андрюша. Он стоял в метре от тела и ждал, когда же мужчина пошевелится. Снег вокруг его головы изменил цвет из грязно-белого в ярко-красный. Кровь, подобно живой сущности, выпущенной на волю из долгого заточения, расплзлась темным трепещущим пятном, захватывая сантиметр за сантиметром запорошенного снегом асфальта. Крови было так много, словно из-под земли открылся источник, и бил, бил, не переставая. Когда бордовая жижа почти достигла ботинок Андрея, он отпрянул и бросился в подъезд.

Сверху раздавались торопливые шаги. Мальчик поспешно спрятался за лестницей: родители не должны узнать, что он вышел без спроса. Отец и мать никогда не поднимали на него руку, но могли часами изводить скучными нравоучениями. Классические учителя. Отец преподавал физику, мать – русский язык и литературу. Иногда Андрюше казалось, что, приходя из школы домой, они забывают выйти из образа и продолжают оттачивать педагогические навыки на единственном сыне.

Когда хлопнула металлическая дверь, он вылез из укрытия и побежал наверх. Незаметно прошмыгнул в спальню, закутался в одеяло и всю ночь не смыкал глаз, прислушиваясь к приглушенным разговорам за стенкой.

От переживаний у Андрюши появился жар; наутро «Скорая» увезла его в больницу с температурой под сорок. Мать, побелевшая от испуга и усталости, двое суток не покидала больничную палату. Врачи пичкали его антибиотиками,

мальчик послушно глотал таблетки, не проявляя к реальности никакого интереса.

Через несколько дней странная хворь исчезла так же внезапно, как появилась. Почувствовав себя лучше, Андрей хотел спросить у родителей о произошедшем в новогоднюю ночь, но не решился. Ни о дяде Семе, ни о дяде Грише в их семье больше никогда не говорили.

Бывают в жизни такие случаи, которые отражаются потом на всей дальнейшей жизни. Но этот случай был не из таких. Андрей точно знал: желание появилось внутри его задолго до. Оно незримо присутствовало в нем с самого рождения, медленно созревая. Смертельное происшествие, свидетелем которого он стал, лишь ускорило развитие...

Мобильный заиграл Прусский марш. Звонил босс. Андрей встал с кровати, захлопнул окно.

– Доброе воскресное утро.

– Не ерничай. Завтра после твоего отчета на планерке дашь интервью «The Financial Times», – без обиняков сообщил шеф. – А сейчас поговори с РИА Новости, им нужен комментарий по возможному снижению ключевой ставки ЦБ. Я тебя переключаю.

Единственный минус работы в аналитическом департаменте крупнейшей инвестиционной конторы – фактическое отсутствие выходных.

Андрей сыпал зерна в кофеварку, прижимая сотовый плечом к уху:

– Пока нет фундаментальных оснований для снижения ключевой ставки Банка России. Высокая инфляция наряду с повышенными инфляционными ожиданиями, а также ослабление рубля на фоне ускоренного падения мировых цен на нефть удержат Центробанк от резких движений. К концу года давление на рубль может усилиться в связи с крупными погашениями внешнего долга. В таких условиях возобновление цикла смягчения денежно-кредитной политики создаст дополнительные риски и для валютного рынка, и в конечном итоге для инфляции.

...И все-таки он долго боялся признаться самому себе. А может быть, не боялся, а просто не мог охарактеризовать мучившее его беспокойство, дать ему внятное объяснение. Он чувствовал, как внутри его мозга закипает идея. Это лишь вопрос времени, когда крышу сорвет ко всем чертям и содержимое выльется наружу. Всего лишь вопрос времени.

Ему тогда только исполнилось 16 лет. Он лапал одноклассницу на заднем ряду кинотеатра, изредка поглядывая на экран. Кино было интересным, но девочка еще интереснее. Он так и не понял, что тогда произошло. Он целовал мягкие карамельные губы и вдруг с одуряющей ясностью осознал, что до тошноты, до дрожи в коленях хочет убить человека.

Но насколько чудовищной ни была эта мысль, еще чудовищнее был тот факт, что она не воспринималась как нечто ужасное. Андрей понимал, что нормальный человек не должен иметь подобных желаний, что это неправильно, нездорово. И все-таки встретил эту мысль с пугающей естественностью, даже радушием, как будто увидел воочию брата-близнеца, с которым их разлучили в детстве. Вы ничего не знаете друг о друге, но ваши организмы несут одинаковый генетический код.

Он тогда здорово струхнул. Наплел что-то подружке про срочное дело и вылетел из зала как ошпаренный. Ему понадобилось несколько недель, чтобы принять желание. Он рассматривал его под разными углами, изучая как под микроскопом. Искал причины, предугадывал последствия, взвешивал «за» и «против». И чем глубже копал, тем сильнее увязал, покуда не осознал, что не сможет, не захочет отказаться от этой идеи. Слишком она привлекательная. Манящая.

Андрей попрощался с журналистом и посмотрел на часы. Пора обедать. В холодильнике, кроме сыра, банки меда и фруктов, ничего съестного. Он закупался продуктами пару раз в неделю, но последние несколько дней выдались слишком насыщенными, и по магазинам ходить было некогда.

Немов позвонил в ресторанчик неподалеку и заказал азиатской еды. Взял яблоко, включил на ноутбуке очередную серию «Игры престолов» и устроился на диване. Сегодня он решительно настроен ничего не делать.

После школы Андрей поступил на экономический факультет. Через год – еще и на бухучет и аудит, на заочное. Он набрасывался на знания с такой одержимостью, словно от этого зависела его жизнь. Учась в институте, устроился финансистом в филиал американского банка – английским он владел отлично. Андрей безостановочно поднимался по карьерной лестнице. Знакомые и родные восхищались его безудержным честолюбием, не догадываясь, что являлось реальной причиной столь жадного карьеризма.

Немов не знал как, где и кого. Пока не знал. Зато был твердо уверен: без определенного капитала тут не обойтись. Ведь мероприятие необходимо устроить в рамках закона или, по крайней мере, так, чтобы закон остался глух. Убивать лихо, как заправский маньяк, выбрав жертвой случайного прохожего, он бы не решился. Лишать жизни невинного бедолагу – слишком тяжелое испытание для совести. К тому же вряд ли бы он смог безупречно замести следы. Преступники поумнее и поопытнее совершают ошибки, а уж он-то и подавно. Немову требовался кто-то, кто сделает за него всю подготовительную работу и даст гарантии безопасности.

Он знал о снаффе – съемках видео, где все происходит на самом деле; обычно фильм заканчивается смертью актера. Обрывочные сведения в Интернете указывали на существование неких закрытых клубов, где жертву убивают прямо на сцене, перед избранными зрителями. Стоит подобное «развлечение» немислимых денег, но даже имея необходимую сумму и страстное желание, попасть туда без рекомендации практически нереально.

И все-таки это было бы прекрасным шансом, пусть и маловероятным. Самому Андрею вряд ли удалось бы выйти на подобную организацию. Поэтому три месяца назад он начал искать компьютерного специалиста, который бы сумел ему помочь.

В домофон позвонили – курьер принес заказанную еду. Спустя пять минут Андрей Немов сидел за столом и щедро поливал кисло-сладким соусом рис с чесноком, креветками и рукколой. Пара капель соуса попала на пальцы, он потянулся за салфеткой и неожиданно замер, завороченно глядя на руку. На какую-то долю секунды ему почудилось, что она запачкана чужой кровью.

Камень был маленький, не больше двух сантиметров в диаметре, темно-коричневый, почти бурый на неотшлифованной стороне. Самый обычный, неприметный камень, который проходя пнешь ногой, ни на секунду не задумавшись о его ценности. Но с другой стороны, на гладком срезе, открывавшем его нутро, таилось настоящее сокровище.

Софочка крутила его под яркой настольной лампой, любуясь игрой голубых и желтых вкраплений. Там, в самой сердцевине минерала, поместилась целая вселенная – с миллиардами звезд и галактик, с обманчивой туманностью и черными дырами. Опал – самый загадочный из драгоценных камней – нравился ей больше остальных.

Вволю налюбовавшись, Софочка вернула драгоценность на полку, но отошла не сразу, не в состоянии оторваться от нового экспоната своей коллекции. Ей нравились камни – все без исключения. Ей казалось, что это живые организмы, существующие одновременно в нескольких измерениях, недоступных для человека.

Софья, как и подобало современной гламурной девушке, читала гляцевые журналы, одевалась в бутиках на Тверской, делала селфи, пила смузи и позволяла мужчинам делать ей дорогие подарки. К двадцати годам у нее накопился изрядный опыт «романтических» отношений. Мужчины липли к ней, сулили все блага мира, и она не оставалась равнодушной. В каждом новом кавалере девушка искренне видела того самого, единственного, который будет оберегать ее до конца жизни. Проходило полгода, максимум год – и принц исчезал. Софочка плакала, но очень скоро знакомилась с очередным кавалером и утешалась в его объятиях. Больше всего на свете она мечтала быть любимой.

– Я в панике, Софи! Я только два месяца назад сделала пластику на бедра, а Эдик теперь требует увеличить грудь! – двумя часами ранее жаловалась подруга Лиля, потягивая коктейль через трубочку. За те два дня, что они не виделись, накопилось столько новостей, дай бог успеть к вечеру пересказать. Софья ковыряла вилкой салат, размышляя, стоит ли ей сегодня есть. Утром взвесилась, обнаружила, что поправилась на двести граммов.

– Ведь у меня и без того большие сиськи, да? – спросила Лиля, положив ладони на свой третий размер.

– На мой взгляд, ты идеальна, – слукавила Софья. Лиля эффектная, но глаза не слишком выразительные, да и губы тонковаты. То ли дело у нее. Глаза огромные, синие, как ляпис-лазурь, а губы от природы, как у Анджелины Джоли. Все думают, что накачаны, а она и не разуверяет: пусть считают, что она прогрессивна и не боится экспериментировать над внешностью.

– Мне тоже так кажется. Но, с другой стороны, мужчинам виднее. Если Эдик жаждет огромную, ну что ж... Пусть оплачивает операцию. Потом потребую у него новую тачку, – решила Лиля. – А твой Гива как?

Гивой величали Сониного благодетеля. На самом деле его звали Георгий, но поскольку во внешности мужчины угадывалось что-то грузинское, девушка переделала его имя на свой лад. Лет Гиве было изрядно за пятьдесят; женат и уже давно кормил любовницу обещаниями, что скоро разведется. Софочка подозревала, что он обманывает, но верить очень хотелось, и она верила. Тем более что относился он к ней трепетно, квартиру снимал, развлекал. Кто бы добровольно отказался от такого комфорта? А учитывая Софочкину катастрофическую непереносимость одиночества...

– Гива нормально. Вчера ужинали с его партнерами по бизнесу, потом в клуб отправились. Ночевал у меня, – улыбнулась Софи, вспомнив жаркие объятия и шепот, сводивший с ума. «Я не могу без тебя жить, моя девочка. Никому тебя не отдам. Моя, только моя».

Софочке посчастливилось никогда не ходить на работу. Первый мужчина забрал ее из-под родительской опеки, едва она окончила школу. Он-то и разъяснил ей, что девочке не подобает угнетать свою головку сложными науками и переживать о куске хлеба. Задача настоящей женщины – радовать и ободрять мужчину. А уж он расстарается, завоеует для нее целый мир. Сонечке подобная философия приглянулась.

– Мы с Эдиком, Даной и Максом идем в клуб, ты с нами?

– Да, разумеется. Гива сегодня не приедет, а ты знаешь, как я не люблю торчать дома одна, – она красноречиво взмахнула вилкой. – Только мне переодеться нужно. Ты в чем будешь?

– О, я надена потрясные джинсы, которые в Италии купила, и черную кофточку от Диор, я тебе рассказывала про нее, – восторженно прошептала Лиля.

– А я, наверное, буду в золотистом платье, как раз маникюр подходящий сделала, – Софочка растопырила пальцы, хвастаясь зеркальным маникюром из желтой фольги на аккуратных недлинных ногтях.

– Отличный выбор. Тогда давай мы за тобой заедем часов в одиннадцать, договорились?

– Конечно! Я поскакала. Хочу успеть пояс купить, увидишь – обомлеешь.

Софочка, единственный ребенок в семье, несказанно радовалась тому, что все внимание уделялось ей одной. Она знала: вселенная крутится вокруг нее. В детском садике она была звездой утренников. В школе открывала линейки и вела концерты. На учебе не зацикливалась – хорошие оценки ставили за то, что она радовала глаз и вела себя примерно.

Софья редко задумывалась над смыслом жизни. Даже подростковый кризис обошел ее стороной. Когда многочисленные подруги заламывали руки и впадали в депрессии, она с удовольствием ловила на себе мужские взгляды и фантазировала о том, как ее завоюет наидостойнейший. Иногда у нее выдавались грустные дни, когда в груди поднималось непонятное томление, а мир казался не таким красочным, как прежде. Ей вдруг приходило в голову, что, возможно, все ее установки и устремления ошибочны, что мир гораздо больше, чем отношения между мужчиной и женщиной. Но Софочка быстро подавляла эти разрушительные приступы тоски, насильно переключая внимание на привычные, радостные вещи: отправлялась на шопинг, смотрела романтические комедии, разыскивала на ебау отсутствующие в ее коллекции минералы. И мир снова сужался до размеров ее личной уютной вселенной, и дышалось легче, и смутная тревога покидала сердце.

Она вела инстаграм, и некоторые злобные тролли регулярно писали ядовитые, полные зависти комментарии, обзывая ее пустышкой. Софья старалась не обижаться: ведь не всем так повезло устроиться в жизни, как ей. Да и люди ей в целом нравились – прежде всего потому, что не давали скучать. Если бы ее заперли в комнате без телефона и Интернета, она бы и суток не продержалась. А ведь есть люди, кого хлебом не корми – дай побыть в одиночестве. Странные.

Конечно, у нее тоже случались проблемы. Вот и сейчас, сидя в кресле, она пыталась решить одну: чем себя занять в ближайшие три часа? К вечеринке уже подготовилась, по телевизору ничего интересного, компьютер надоел. Попробовала позвонить трем подружкам – не берут трубки. Наверное, тусуются где-нибудь и не слышат. И погода, как назло, мерзкая. Надо уговорить Гиву vykroить недельку слетать на море. Осенью в Москве тоскливо. Особенно если у тебя куча свободного времени.

Софочка обвела взглядом комнату, остановившись на небольшой картине, висевшей на противоположной стене. Ночной город, нарисованный акварелью, вбивал в серое небо фосфоресцирующие гвозди небоскребов. Где-то внизу справа угадывалась береговая линия озера, уходившего темнеющей водной гладью туда, где кончался холст. Софья никогда не была в Чикаго, но ей казалось, что этот город выглядит именно так. Она всматривалась в картинку, и до ее слуха доносился свист ветра. Он блуждал на широких улицах, сворачивал в узкие переулки и скулил, упираясь в тупики бедных кварталов... Софья гордилась своим рисунком, хотя понимала, что особой ценности он не представляет. Она с детства любила рисовать и даже отучилась пять классов в художественной школе, но на профессиональный уровень вряд ли тянула.

«Давненько я в руках не держала кисть», – подумала она и спрыгнула на мягкий бежевый ковер, по щиколотку утопив босые ноги в длинном ворсе. Открыла дверцу резного шкафчика. На полке ровной шеренгой стояли баночки с краской, рядом лежали чистые кисти и палитра. Софка кинулась к спрятанному за плотными шторами мольберту. Выволокла на середину комнаты, поставила чистый холст. Замерла напротив, поглаживая подбородок. Поймала себя на мысли, что такой жест странным образом характерен для всех художников и скульпторов – наверное, она подсознательно скопировала его, увидев в кино.

Чем дольше она глядела на белое полотно, тем яснее понимала, что именно должно на нем появиться. Еле уловимые линии проявлялись, как на фотоснимке, опущенном в раствор. Подождать минуту-другую, и фрагмент обретет четкость.

Зазвонил телефон, заставив Софью едва ли не всплеснуть от негодования руками: она так давно не испытывала вдохновения и едва сдержала слезы, когда ее так жестоко прервали.

– Да? Лиля? Я тебя поняла, вы скоро будете. Ты для этого позвонила? Предупредить, что все по плану? – злобно шикнула Софья.

Вернулась на прежнее место перед мольбертом, попыталась сосредоточиться, но недавнее наваждение улетучилось. Она знала: когда вдохновение исчезает, его уже не вернешь, хоть головой об стену бейся. Момент упущен, остается только смириться.

В клубе Софочка специально выпила больше обычного, надеясь поднять настроение. Через час она взобралась на освободившуюся стойку для гоу-гоу и принялась танцевать под одобрителные возгласы. Короткая юбка не очень-то скрывала то, что под ней, но сейчас Софье требовалось именно это – чужое внимание и восторг. Она эротично изгибалась, демонстрируя мягкость и грацию; от выпитого шампанского перед глазами все кружилось и мерцало. Затесавшийся в их компанию незнакомец, которого Лиля представила как Богдана, сверлил ее взглядом, блестящим так же вызывающе, как бриллиантовый циферблат его часов. Мужчина улыбался, и казалось, его лицо состояло из одних только зубов, неестественно белых. Он приблизился к стойке и протянул руки, помогая девушке спуститься. На мгновение задержал ее в объятиях, но Софочка проворно выскользнула из его цепких рук.

– Это кто вообще такой? – шепнула она в ухо подруге.

– Я тебе рассказывала, у них с Эдиком совместный проект. Неплохой мэн, – хихикнула Лиля.

– Ты же знаешь, у меня Гива, так что сводничеством не занимайся, ага?

– О чем шушукаетесь? – Эдик обнял девушек за талии, и Софья невольно скривилась: этот тип никогда ей не нравился. Объективных причин для антипатии не имелось – солидный дядька, Лильку не обижает. Наверное, Софью отталкивало его потребительское отношение к женщинам. Любовницу он холил и лелеял, но и требовал от нее немало. Его капризы Лиле давались нелегко. Вспомнить хотя бы ринопластику, которую подруга перенесла, потому что он так захотел. После выписки из клиники Лиля еще месяц не выходила на улицу – нос имел ярко выраженный пороссячий цвет, да и отеки и гематомы никак не проходили. Робкая догадка мучила Софочку: если искренне любишь женщину, неужели будешь просить от нее подобных жертв? Но знакомые не придавали этому факту никакого значения, и девушка равнялась на их мнение.

Кто-то предложил поехать кататься, все поддержали идею. Вывалились из клуба шумной компанией, попрыгали в машины. Кортёж двинулся по Новому Арбату, впереди ехали Макс с Даной, за ними – Эдик с Лилей. Софочка же восседала рядом с Богданом на заднем сиденье джипа, которым управлял его личный водитель.

Спутник о чем-то громко вещал ей прямо в ухо, но она была так пьяна, что не улавливала смысла. За окном мелькали ночные огни, расплываясь перед глазами в яркую абстрактную пелену. Голова приятно кружилась, думать не хотелось. Софья откинулась назад, упершись затылком в мягкую спинку сиденья.

– Засыпаешь? – поинтересовался сидевший рядом мужчина, заставив девушку вздрогнуть, – на несколько секунд она позабыла, где и с кем находится.

– Немного, – она виновато улыбнулась. – Подбросишь меня до дома?

– До твоего или до моего? – многозначительно спросил Богдан, отодвинул полу ее пальто и накрыл ладонью коленку.

Софочка отодвинулась:

– До моего, если не сложно.

– Пригласишь в гости? – Богдан пожирал ее плотоядным взглядом и, похоже, не собирался отступать.

– Извини, мы, наверное, недопоняли друг друга, – залепетала она, начиная беспокоиться. – Я несвободна.

– Я тоже. Как это может помешать получить удовольствие? – Его ладонь скользнула под юбку, и Софья подскочила, чуть не стукнувшись макушкой о потолок.

– Прекрати!

– Детка, я щедрый, не волнуйся.

Софочка затравленно посмотрела в окно, пытаюсь понять, где они сейчас. Автомобиль мчался по третьему транспортному кольцу.

– Пожалуйста, останови машину. Между нами ничего не будет! – Софья негодовала на собственную тупость. Напилась, села в машину непонятно к кому, идиотка.

Богдан крикнул шоферу, машина резко затормозила.

– Пошла вон отсюда, шлюха! – Мужчина больно схватил ее за локоть и вытолкнул из салона. Джип нервно тронулся, чуть не окатив девушку дорожной грязью, – она едва успела отскочить.

Софья моментально протрезвела. Сумочка осталась в авто, но мобильник, к счастью, висел на шее. «Почему шлюха? Почему вне зависимости от того – соглашаешься ты на секс или отказываешься – мужчины называют тебя шлюхой?» Она судорожно набрала номер Лили, но та не отвечала. Стала звонить всем близким знакомым, но никто выручить не мог. Рядом остановилась иномарка, из окна высунулся кавказец и предложил подбросить, «о цене договоримся». Софочка шарахнулась в сторону с вытаращенными глазами. Мужик пожал плечами и поехал дальше.

Денег на такси не было, да и ключи от квартиры остались в сумочке. Слишком поздно, чтобы звонить Гиве – он сейчас с семьей и, скорее всего, даже трубку не возьмет.

Запиликал сотовый. Звонила Лиля.

– Извини, не слышала. Что-то случилось?

Подруга подъехала через полчаса.

– Ты не сердись: Богдан так пошутил. Мне Эдичка сказал, у него своеобразное чувство юмора. Вот твоя сумочка.

– Пошутил? Очень надеюсь, что над ним однажды тоже так пошутят.

– Да брось, невинный розыгрыш. Мы славно повеселились! И Эдик так смеялся! А он редко смеется! – Лиля трогательно хлопала ресницами, и Софья поняла, что та вряд ли разделит ее чувства. Порой подруга демонстрировала феноменальное равнодушие.

...Шел четвертый час ночи, но спать не хотелось. Софочка залезла в джакузи, с блаженством погрузившись в горячую воду, и закрыла глаза. От минувшего вечера остался неприятный осадок, но возможно, она слишком драматизирует. Ничего страшного не произошло. Надо было посмеяться вместе с остальными...

Воздушные струи щекотали спину, ароматические свечи на бортике ванной источали сладкий аромат, и Софочка расслабилась, задремала. Проснулась от озноба. Вода в джакузи давно остыла и сердито бурлила, обдавая тело прохладными волнами. Девушка подскочила, едва не опрокинув свечи, закуталась в огромное полотенце и побежала в спальню, где сразу же нырнула под одеяло.

Утром ее разбудил звонок телефона. Гива сообщал, что скоро приедет.

Софа неохотно потерла глаза и зевнула. Часы показывали час дня. Она неохотно встала и поплелась в ванную, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к встрече.

Ее взгляд упал на зеркало, на котором красным карандашом для губ было написано «Не забудь» – напоминание принять ежедневную противозачаточную таблетку.

Софья всмотрелась в свое лицо: гладкое, ухоженное, без единого следа тяжелой ночи. Она подкрашивала ресницы и напевала под нос. Жизнь прекрасна и удивительна. Они пообедают в ресторане, совершат небольшой символический шопинг, после снова перекусят в кафе. Потом вернутся домой и займутся любовью.

Гива здорово увлекся Софьей, и этот факт доставлял ей огромное удовольствие. Сегодня, когда мужчина будет находиться в предоргазменной эйфории от ее умелых ласк, она в очередной раз напомнит ему, что для полной гармонии он должен развестись. Ведь тогда они смогут пожениться и станут настоящей семьей. Он послушно кивнет, и в этом согласии будет больше решимости и

готовности, чем ранее. Каждую новую встречу Гива привязывался к Софочке сильнее и сильнее, – по крайней мере, ей так казалось.

Она улыбнулась своему отражению, сверкнув ровными белыми зубками. Завтра обязательно в солярий, освежить легкий загар. И к парикмахеру. У самых корней волос уже пробивался рыжий пигмент. А ведь она нынче блондинка.

Глава 3

Улица была узкая, удручающе темная. Ее пересекали еще более узкие, вымощенные булыжником переулки. Почерневшие стены домов нависали с молчаливым отчаянием, будто из последних сил сдерживались, чтобы не дрогнуть и не упасть всей своей кирпичной массой на одинокого прохожего, раздавить, смешать его плоть с каменной мостовой. Томас поежился от пронизывающего ветра и ускорил шаг, до станции надземного метро идти еще минут двадцать. Он родился и вырос в этом городе, но не помнил такой холодной осени.

Девятый час вечера, но людей в вагоне ехало на удивление мало. Бомжеватого вида старик прижимал к груди большую картонную коробку и бормотал под нос. Двое афроамериканцев о чем-то злобно спорили, используя преимущественно нецензурные слова. Томас уставился в окно. Поезд мчался на высоте второго этажа мимо облезлых промышленных и жилых зданий. Железную дорогу проложили так близко к ним, что можно было высунуть палец и сломать его о выступающие неровности стен. Вскоре пейзаж за окном сменился – теперь поезд оказался в тоннеле из небоскребов, расположенных в коммерческом районе, чикагском Манхэттене. Старые каменные дома соседствовали с современными стеклянными высотками; офисы сменялись магазинами, музеями и скверами, внизу сигналили в пробках нетерпеливые водители...

Томасу нравилась The Loop, Петля – сердце города, утыканное иглами небоскребов и опутанное ржавыми рельсами метрополитена.

Противный женский голос объявил остановку «Стейт Стрит». Томас влился в шумную толпу, делившую улицу на две части, двигавшиеся в разных направлениях. На ближайшем повороте свернул направо и вошел в бар «Монти и

Фея», где работал вышибалой уже два года.

Его напарник Джонсон, туповатый, но добродушный ирландец, был уже там.

– Хей, привет, Крайтон, ты, как всегда, минута в минуту?

– Точно. Все нормально? – Томас окинул взглядом бар. Посетителей пока немного, народ подтягивается к полуночи, тогда-то и наступает жаркое время. Кто-то напьется и затеет драку, кто-то начнет приставать к стриптизершам, кто-то не удовлетворится качеством блюд и попытается не заплатить.

– Все о'кей. Сам знаешь, рано еще.

В детстве Томас мечтал стать чемпионом в боях без правил. Но годам к двенадцати понял, что его вечно пьяный отец вряд ли сможет оплачивать тренировки. Мать сбежала, когда сыну исполнилось четыре – он даже не помнил ее толком. Они жили в бедном квартале по соседству с эмигрантами из Польши и Мексики. Снимали двухкомнатную квартирку с видом на стену другого здания.

Отец трудился на стройке и зарабатывал прилично, но все спускал на алкоголь – так что маленький Томас не питал радужных надежд по поводу своего будущего. Он был предоставлен самому себе, и со временем это начало ему нравиться. Порой он не ночевал дома, загулявшись с друзьями. Несколько парней из его класса организовали мини-банду и терроризировали продавцов мелких магазинчиков в округе. Иногда возникали стычки с соседствующими группировками. Дрались как звери, ломая носы, выбивая зубы. Частенько после подобных боев Томас заползал в цех заброшенного завода и отлеживался, предпочитая одиночество обществу вечно пьяного папаши.

Школу он все-таки окончил, хотя и с минимальным количеством баллов. В любом случае никакой пользы от тех знаний, которые вдалбливали педагоги, не видел. Более того, казалось, что с каждым годом он забывал и то немногое, что выучил ранее. Важно было лишь то, что Томас – самый сильный парень в районе, когда доходило до уличных боев.

– Следил вчера за матчем «Чикаго Булз» и «Портленд Трэйл Блэйзерс»?

– Спрашиваешь! – ухмыльнулся Джонсон. – Парни реально зажгли. На чужой площадке, да с таким отрывом выиграть! Я даже удивился.

– Разыгрывающий защитник Деррик Роуз, красавчик, набрал тридцать шесть очков. Чую, быки в этом сезоне выберутся из дерьма.

– Пора бы, – согласился ирландец. – Только бы Роуза опять колено не подвело. А то сплошные травмы.

– Завтра они играют с «Атланта Хоукс», у меня хорошие предчувствия.

Нельзя сказать, что Томас фанател от баскетбола. Иногда играл с парнями во дворе. Матчи родной команды всегда отслеживал, болел. А вот трансляцию ММА включал редко – начинал злиться. Если бы в детстве ему выпал шанс, он бы стал отличным спортсменом. Его бы показывали по телику, предлагали бы крутые контракты. Но денег на оплату хорошего тренера не было. Все всегда упиралось в проклятые деньги!

Может, философ и утешил бы Томаса тем, что бедность – не порок. О, он отлично знал: бедность действительно не порок, а мать всех пороков. Если бы Мэдди не удерживала его, он уже давно снова занялся бы разбоем – опасно, но прибыльно. Но Мэдди – единственный близкий человек, чьим мнением он дорожил. Она просила не делать глупостей, уверяла, что не переживет, если с ним что-то случится, – и он поддался на уговоры, завязал. Их встреча была, пожалуй, самым светлым событием в жизни Томаса. Он до сих пор разводил руками: как? Как стройная, умопомрачительно привлекательная мулаточка из Саут-Сайда обратила внимание на никчемного белого янки?

Томас не помнил точно, какие дела привели его в черный квартал – скорее всего, кто-то заказал нелегальный товар, и он не смог устоять, хотя и понимал, что соваться на чужую территорию – поступок не самый умный. Но он тогда не слишком следовал здравому смыслу и к тому же был на мели.

Он шел по улице, ловя на себе колющие взгляды. Рядом остановилась полицейская машина, копы поинтересовались, какого черта его сюда занесло, и изъявили намерение силой вывезти, чтобы не портить отчетность по преступлениям. Пришлось спасаться бегством – если бы копы его обыскали, ему бы не поздоровилось. Томас нырнул в подворотню и сразу же натолкнулся на

девушку. Должно быть, она наблюдала за ситуацией и здорово забавлялась – иначе никак не объяснить, почему она схватила его за рукав и потянула в подъезд. Они стояли, прижавшись друг к другу, вслушиваясь в полицейскую сирену. Когда звук стих, они переглянулись и одновременно рассмеялись.

– Очень интересно узнать, что творится у тебя в голове, – незнакомка с интересом покосилась на Томаса, не спеша отстраняться.

Через час он покидал черный район, довольный удачной сделкой. В кармане появились деньжата, а завтра его ждало свидание с темнокожей красоткой. На нейтральной территории, разумеется.

Через месяц после знакомства Томас и Мэдди стали жить вместе. Поселились в одном из дешевых многоквартирных домов в прилегающем к даунтауну районе.

Мэдди оказалась до комичности правильной девочкой. И это при том, что выросла в бандитской части Чикаго. Парадокс быстро объяснился: одного ее брата убили в перестрелке, два других мотали срок. Меньше всего ей хотелось повторить их судьбу или потерять еще одного родного человека. Первое время она терпела делишки Томаса, мягко давая понять, как к этому относится. Но когда родилась дочка, жену будто подменили. Она пилила его день и ночь, пробуя все тактики – от слез до угроз, – и добилась-таки своего.

– Крайтон! – напарник кивнул в сторону барной стойки. Намечалась заварушка.

– По какому праву? Ублюдки! – вопил буян.

– Сэр, извините. Мы вынуждены проводить вас на свежий воздух, сэр, – бубнил Джонсон, помогая Томасу выволочь незадачливого посетителя из помещения.

– Спасибо, мальчики, – подмигнула барменша-официантка Жози. – А то он чуть все бокалы не перебил.

Жози – пышнотелая, рослая барышня – и сама бы справилась со смутьяном, огрев его чем-нибудь тяжелым, будь у нее соответствующее настроение. Но сегодня она сияла благодушием и оставила грязную работу вышибалам. Барменше нравился Крайтон, и она этого не скрывала. Угощала его за счет

заведения, низко наклоняясь над стойкой, демонстрируя вырез в блузке. Там было на что посмотреть, но Томас предпочитал глядеть в глаза, чем приводил Жози в еще большее волнение.

...Стрелки часов, висевших на размалеванной черно-красной стене, показывали четыре утра. Бар закрывался в пять. Сегодняшняя смена выдалась необычно тихой и бесконфликтной. Если не считать двух русских, выпивших больше галлона водки и затем затеявших дружеский кулачный бой, да героинщика, который от нехватки средств на очередную дозу вскрыл себе вены прямо в туалете клуба. Слава богу, быстро обнаружили, вызвали «911». Помереть не помер, зато успел написать кровью на зеркале трагичный слоган «Жизнь дерьмо». Крайтон прочитал и поморщился: он был не так уж не прав, этот наркоман...

Предрассветный город еще не выпал из ночного анабиоза. В центре располагались тысячи офисов, поэтому в столь ранний час здесь не было ни души. Томас любил темноту – она дарила обманчивое ощущение безопасности. Обычно после работы он сразу мчался домой, но сейчас его что-то удерживало. Он решил немного пройтись и направился в сторону Ист Харрисон Стрит. Улица была недлинной и располагалась перпендикулярно Мичиган Авеню, пересекавшей Чикаго с севера на юг. Сворачивать на нее Томас не стал. В этой части авеню представляло собой «Золотую милю» – с самыми дорогими бутиками, музеями, банками. К чему травмировать себя недоступной роскошью?

Запахло тухлой рыбой. Искусственные гавани, изрывшие озеро, кишели катерами, рыба дохла от их винтов. По крайней мере, так объясняли жителям власти. Хотя, взглянув на грязную, стоячую воду, легко догадаться, что и без всяких винтов выжить здесь довольно проблематично.

А ведь дальше, на севере, на диких берегах, озеро чистейшее. Но пляжи там – частная собственность богачей. Крайтон сплюнул. Если бы у него была возможность, он бы перевез жену с дочкой в Винетку – зеленый рай, с замками и виллами, в которых сибаритствуют миллионеры. Или хотя бы в Эванстон – тоже отличный район. Опять же, Северо-Западный университет под боком, малышке Тине было бы удобно. Она ведь вырастет умной девочкой.

Только здоровье ее в последнее время оставляло желать лучшего. Томас сжал кулаки. Да какое тут может быть здоровье, если ребенок дышит промышленным смогом? В их квартале совсем нет деревьев. На подобную роскошь у

муниципалитета не хватает денег. Откуда им взяться? Озеленение финансируется за счет налогов, а в бедном районе их никто не платит.

В поезде метро Томас задремал. Проснулся от холода. Он до сих пор носил тонкую джинсовую куртку, пора переходить на что-то потеплее.

Лифт в доме не работал уже третий месяц. Томас поднимался по лестнице, стараясь не шуметь – звукоизоляция в здании паршивая, а у его девочек кошачий слух, чуть что – просыпаются. Он вставил ключ в замочную скважину и осторожно повернул, входя на цыпочках в прихожую.

Мэдди стояла, привалившись к косяку, и выглядела уставшей.

– Тине опять было плохо. Температура, кровь из носа пошла...

Томас нахмурился:

– Парамедиков вызывала?

– Вызывала. Но они, как обычно, руками развели, вкололи ей жаропонижающее и посоветовали провести полное обследование.

Медицинской страховки у них не было. Полное обследование потребует кучи денег, но, похоже, иного выхода не оставалось. Скорее всего, у дочери ничего серьезного – дети постоянно болеют. Но лучше не рисковать. Придется попросить у хозяина квартиры отсрочку на оплату аренды.

Томас поспешно снял ботинки и проскользнул в комнату Тины. Девочка лежала в кровати и посапывала, обнимая плюшевого медведя. Глядя на ее умиротворенное личико, худенькие беззащитные плечи, он снова ощутил поднимающуюся изнутри волну ярости. У Томаса Крайтона имелось одно-единственное желание – финансовое благополучие для своей семьи. Тогда Тину бы лечили лучшие доктора, Мэдди бы наконец смогла учиться вокалу, как всегда мечтала, они бы ездили отдыхать в другие страны...

Они с женой часто фантазировали, как утром просыпаются на шелковых простынях, потягиваются и щурятся от яркого солнечного света. Из открытого

балкона доносятся шелест листьев и слабый треск газонокосилки – соседи затеяли привести в порядок лужайку перед домом. Спешить некуда. Они зарываются в мягкое одеяло, ласкают друг друга, а заодно обсуждают, чему посвятить сегодняшний день. Гольф-клуб? Пляж? Ресторан? Конная прогулка? А почему бы не все сразу? Но для начала поплавать голышом в бассейне, пока дочурка спит.

– Давно уснула? – шепотом спросил Томас.

– Час назад.

Он бесшумно опустился на пол перед кроватью, не отводя глаз от Тины. Ей всего четыре года, но уже сейчас ясно – будет красавицей. Конечно, так считают все родители, но он-то, само собой, объективен. У ребенка мамины гены. Смуглые щечки с ямочками, пухлые, четко очерченные губки, ровный носик. Томас осторожно погладил ее по волосам. Черный завиток прилип к потному лбу. Отец невесомо прикоснулся к нему губами. Лоб был теплый – лекарство подействовало и сбило жар.

Тина резко открыла глаза, словно не спала, а притворялась:

– Папочка!

– Да, воробушек, я здесь.

Она протянула руки, и он наклонился, обнимая ее крошечное тельце.

– Я заболела.

– Ты поправишься. У каждой маленькой девочки есть ангел, который ее оберегает.

– И у меня есть? – заинтересовался ребенок.

– Разумеется!

– А какой он, какой?

- Ну-у... - Томас задумался. - У ангела медные волосы и песочного цвета глаза.

- Желтые? - пояснила девочка.

- Ага.

- А такие бывают?

- У ангелов-то? Еще как.

Тина улыбнулась и прикрыла веки. Крайтон молча наблюдал, как плавно вздымается и опускается ее грудь.

Мэдди коснулась его плеча. Они вышли из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

- Мне очень это не нравится. - В ее больших темных глазах плескалась тревога.

- Днем повезем в больницу. Пусть проводят обследование, берут все анализы, какие им там нужны! - жестко проговорил Томас.

- Они ведь не найдут у нее ничего дурного? - обычно уверенный, энергичный голос Мэдди теперь звучал жалобно, просяще.

Томас притянул жену к себе и поцеловал в висок, вдохнув пряный цветочный аромат волос.

- Все будет хорошо.

Несколько мгновений они стояли не двигаясь, в полной тишине, пока Мэдди не вскинула подбородок:

- Пошли, накормлю тебя.

- Иди ложись, а я поем и присоединюсь.

Облокотившись на подоконник, Томас пил кофе с бутербродом, всматриваясь в предрассветные сумерки за окном. Одинокий фонарь освещал крошечный участок тротуара. Из разбитого асфальта торчал толстый стебель засохшего бурьяна. Томас окинул взглядом комнату: интерьер далеко не королевский. Они снимали маленькую квартиру, единственным преимуществом которой была невысокая цена и относительная близость к центру. Кухня вмещала плиту, пару шкафов, стол, два расшатанных стула и полосатую раковину. Однажды Мэдди купила дорогое чистящее средство. В рекламе говорилось, что оно отмоет и вековой налет грязи. Приснула по периметру раковины и оставила минут на двадцать, чего оказалось достаточно, чтобы стекающие ручейки «волшебного» средства разъели эмаль, превратив умывальник в зловещее творение авангардистов.

Неужели в этой халупе пройдет вся его жизнь? Что он видел в свои двадцать семь? Он даже за пределы штата Иллинойс выезжал лишь один раз, когда по пьянке угнал с парнями тачку у одноклассника. Бобби был заносчивый, родители купили ему приличный автомобиль, и он частенько отвешивал обидные комментарии в сторону тех ребят, которые ездили в школу на автобусе. Ему хватило мозгов не обращаться в полицию – иначе вряд ли бы он дожился до выпускного. Впрочем, они же не звери: покатались и машину вернули. Правда, изрядно помятую.

Томас оставил грязную кружку в раковине, выключил свет и улегся в кровать. Мэдди что-то сонно пробормотала и прильнула спиной к его груди. Томас долго лежал без сна, слишком расстроенный, чтобы сомкнуть глаза. В голове крутились безрадостные мысли, и он был бессилен остановить их хаотичный хоровод. Так больше нельзя. Нельзя, чтобы его дочь влачила нищенское существование. Нужно куда-то двигаться.

Он дает себе две недели, чтобы четко решить, как ему действовать дальше. Здоровый мужик, полный сил. Даже если придется зубами рыть землю, он проложит путь из этой сточной канавы.

Глава 4

На экране монитора нежный стебель сорняка пробивал толстую корку асфальта.

– Жизнеутверждающая заставка, но я бы предпочел видеть у тебя на компьютере таблицы с индексами РТС и ММВБ, – отчитал Андрей подчиненного.

– Я только собирался открыть...

– Я так и понял.

Андрей покинул отдел аналитики и вернулся в свой кабинет. Плюхнулся в широкое кожаное кресло, пробежал взглядом по трем мониторам. Ситуация развивалась по предсказанному графику. Сегодня с утра «быки» пожинали плоды пертурбаций нефтяного рынка – российский фондовый рынок открылся на 2 процента выше вчерашнего закрытия. Андрей довольно потер ладони. Он вовремя сменил медвежью тактику на бычью. К обеду зафиксировал собственную прибыль. Неплохо.

Неподвижная иконка мессенджера в правом нижнем углу говорила об отсутствии новых сообщений. За утро Андрей посмотрел на нее уже сотню раз, надеясь получить долгожданное послание. Накануне на его анонимное сообщение на хакерском форуме откликнулся один любопытный персонаж, пообещавший изучить его вопрос и поискать информацию в Даркнете за определенную сумму.

Что такое Даркнет, Немов знал давно. Термином «Темная паутина» обозначают совокупность веб-сайтов со скрытым IP-адресом. Эти сайты используют специальный инструмент шифрования, позволяющий пользователям сохранять свою анонимность.

Даркнет – единственный выход для тех, кто живет в тоталитарных странах, чтобы общаться с внешним миром, исключая слежку спецслужб. Однако основная масса пользователей Темной паутины преследует менее романтические цели: продажа и покупка оружия, распространение детской порнографии. Тысячи и тысячи экстремистских сайтов и незаконных точек продаж. По оценкам экспертов, размеры Даркнета уже в пятьсот раз превысили обычный Интернет.

Андрей не сильно разбирался в компьютерных технологиях, но все-таки установил систему «Тор» и несколько вечеров ломал голову в попытках

освоиться на обратной стороне Интернета. Ему удалось выйти на пару анонимных бордов, где предлагали нелегальные товары и услуги, но дальше дело забуксовало. На настоящие андеграундные форумы выйти крайне сложно – необходимо знать точные адреса, которые передаются только сарафанным радио. Да и попасть на хакерский форум – полбеда. Обычно там используется секретный сленг, непонятный для непросвещенного человека. Чтобы разобраться с кодовыми словами, нужно быть в теме, чем Андрей похвастаться не мог.

Он снова проверил иконку мессенджера, разочарованно выдохнул и принялся за работу.

После обеда время тянулось медленно. Андрей даже Завацкому позвонил – лишь бы отвлечься. Тот сразу же завел любимую пластинку:

– Слушай, что ты там с Олесей сделал? Жанна мне по секрету поведала, что подруга ей все уши прожужжала.

– Да, старик, я такой.

– И за что тебя бабы любят?

– Любят меня за сердце беззлобное и душу открытую, – хмыкнул Андрей.

– Не, серьезно, как тебе Олеся-то? Я на нее сразу глаз положил.

– Обычная баба. Я уже забыл.

Андрей не лукавил: женщин он любил, но смыслом жизни не считал.

Пару-тройку раз в юности он увлекался, страсть длилась недолго и заканчивалась по его инициативе.

Первая муза посетила его в пятнадцать лет. Близилась выпускные экзамены, одноклассники думали исключительно о предстоящих испытаниях. Тем неожиданней было внимание самой красивой девочки в классе – Алочки. На переменах она подходила к Андрею и без умолку щебетала. Только глупец

остался бы равнодушным к ее трогательным знакам внимания. Однажды, гуляя в парке после уроков, он поволок девчонку в заросли и прижал к дереву. Аллочка захохотала и ударила его по руке:

– Бессовестный! На носу экзамен по математике.

– А при чем здесь экзамен?

– А при том. Тебе-то легко, ты умный. А я совсем не подготовилась.

– Кто виноват?

Аллочка надула губки, а затем изобразила озарение:

– А что, если мы сядем рядом и ты решишь мой билет? Тебе же раз плюнуть. А потом мы бы отпраздновали успешную сдачу... И я бы... – Ее щеки залились румянцем.

Андрей усмехнулся:

– Я предлагаю иное развитие ситуации. Сейчас я заявлю, что помогу тебе на экзамене. Но мне необходимо вдохновение в виде немедленного секса.

Одноклассница вытаращила глаза, но он продолжал:

– Ты поломаешься пару дней, но в итоге согласишься. Я возьму тебя прямо на скамейке в дальнем углу парка. На экзамене решу твои задачи, но непременно неправильно. Чтобы ты поняла: нельзя быть такой корыстной.

Андрей ничего не имел против того, чтобы помочь девчонке, не оказавшись она лицемеркой. Его разозлило, что за ответную симпатию от него требовали бонусов.

В последующие несколько дней ему пришлось бороться с игравшими гормонами старинным дедовским способом. Закрывшись в ванной, он представлял Аллочку в неприличных позах. Вскоре любовный жар поутих, и он смог смотреть на бывший объект страсти без предательского возбуждения.

Вторую девушку звали Настя. Они познакомились на первом курсе института. Казалось, отличницу, старосту группы мысли о межполовых отношениях совсем не одолевали. Она не блистала красотой, но Андрей с наслаждением разглядывал ее. Бывают такие лица, на которые хочется смотреть, изучать каждую правильную и неправильную черту. О влюбленности речи не шло; Андрей не мучился от вынужденных разлук на каникулах, не мечтал о поцелуе. Но когда она появлялась в поле зрения, он с удовольствием отмечал ее ровный, слегка вздернутый нос, густые русые волосы и прямую, как у балерины, осанку...

Когда Настя говорила, ее губы двигались активнее, чем у большинства людей, словно бы она пыталась облегчить задачу глухонемому, читающему по губам, или же исполняла роль логопеда, исправляющего дикцию у ребенка. Андрея завораживал этот процесс.

Столь пристальное внимание к собственной персоне не осталось незамеченным Настей. Их глаза встречались, и девушка посылала в ответ удивленные, вопросительные и, наконец, нетерпеливые взгляды. Когда в них появилась мольба, Андрей привел Настю в пустую аудиторию, закрыл дверь на ключ и лишил ее невинности на преподавательском столе. Через два месяца ее преданная, пылкая симпатия ему надоела. Первое очарование развеялось, и она оказалась обычной, довольно скучной особой. Сперва Андрею было неловко постоянно сталкиваться с нею на занятиях и читать укор в ее глазах, но затем он научился ее игнорировать.

На Марину он обратил внимание на студенческой научной конференции, где выступал с докладом. Высокая худая преподавательница, сидевшая в комиссии, задавала ему вопросы и с неподдельным интересом слушала ответы. Ее непослушные черные локоны постоянно выбивались из строгой прически, падая на лоб, и она проворным грациозным движением убирала их обратно.

Немов подождал ее у выхода из института и преградил путь.

– Я провожу вас до дома, если вы не возражаете.

Женщина замерла, удивленно разглядывая нежданного кавалера.

– Вы хотели бы дополнительно обсудить ваш доклад?

– Конечно, я мог бы сделать вид, что хочу именно этого – обсудить доклад, а вы могли бы сделать вид, что поверили, но зачем терять время? Мы же взрослые люди. Вы мне очень понравились, и мне кажется, я имею все шансы понравиться вам.

Марина огляделась и, поманив парня за собой, отошла в сторону от оживленного пятачка перед центральным входом. Чуть поодаль она остановилась и внимательно посмотрела на Андрея.

– Тебе сколько, чудо?

– Два.

– Что «два»? – не поняла она.

– Я пью кофе с двумя кусками сахара. У вас ведь дома есть кофе?

– У меня дома есть муж.

– Значит, идем ко мне. Я снимаю отдельное жилье, нас никто не потревожит, – наступал Андрей.

– Какая наглость, – то ли с негодованием, то ли с восхищением проговорила женщина, не спеша уходить.

– Вас это заводит?

– Мои дети чуть младше тебя.

– Вы, вероятно, весьма легкомысленны, раз родили до вашего совершеннолетия.

Уголки ее губ поползли вверх. Разговор доставлял Андрею удовольствие, и он чувствовал, что Марине тоже. Ему стоило проявить чуть больше настойчивости, и она непременно поддастся.

– Вы очень своеобразный молодой человек, – протянула она, колеблясь. – Но думаю, у нас ничего не получится.

Падал снег, снежинки ложились на ее длинные ресницы и непослушные пряди; ему безумно хотелось взять в ладони ее лицо...

– Вы слышите? У нас ничего не получится.

– Позвольте доказать вам вашу неправоту.

Для сорока двух лет Марина выглядела свежо, даже юно. Она красила волосы в ядовито-черный цвет, который оттенял ее бледную кожу, и казалась хрупкой, как хрустальная статуэтка.

Они занимались сексом на его съемной квартире, а потом беседовали об экономике и политике. Марина обычно сидела на подоконнике и дымилась сигаретой. Ее обнаженный темный силуэт в светлом квадрате окна походил на вырезанную из бумаги фигурку. Андрей лежал на кровати, закинув руки за голову, слушал рассуждения любовницы и гадал: смогла бы она понять, расскажи он о своем желании убить? Марина отличалась от остальных женщин. Возможно, она дала бы мудрый совет.

– Я развожусь, – обронила она однажды после особо удачного секса.

– Зачем? – удивился Андрей.

– Достало жить с нелюбимым человеком.

Марина больше ничего не сказала, но прочитать ее мысли не составляло труда. В ее сдержанной улыбке затаился намек на обязательства. Ей хотелось большего, но «большее» не входило в его планы.

«Она не так уж умна, эта Марина». Андрей перестал ей звонить. Чтобы забыть ее, ему понадобился месяц. Целый месяц постоянного самоограничения и самоконтроля. Он так яростно выкорчевывал из сердца успевшее прорасти чувство, так истово апеллировал к разуму, что не выдержал напряжения и слег с ангиной на две недели. Когда выздоровел, пообещал себе, что впредь будет

осторожнее и не посмеет увлечься настолько сильно.

С тех пор он был близок с женщинами исключительно на физиологическом уровне, что его полностью устраивало.

Немов набрал в браузере адрес сайта, посвященного компьютерным новостям, и открыл первую же заинтересовавшую его заметку:

«Прошло уже четыре года с тех пор, как правоохранительные органы закрыли средоточие нелегальной торговли – Силк Роуд. Однако продажи незаконных товаров в Даркнете не снизились. Согласно новому исследованию, черный сетевой рынок, напротив, только продолжает расти».

Черт побери. Почему хакер до сих пор не объявился? Андрей выполнил свою часть договора – заплатил три биткоинов в качестве аванса, и хакер пообещал, что свяжется с ним до конца рабочего дня. Начало шестого, а от него никаких известий.

Андрей уже был готов психануть и отправиться куда-нибудь поужинать – сегодня он пропустил обед, и желудок сводило от голода. Он встал с кресла, снял со спинки пиджак и заметил мигающее сообщение внизу экрана.

«Я нашел то, что вам нужно, – сообщал аноним. – Пришлось покопаться, запросик у вас нетрадиционный, прямо скажем».

«Продолжайте», – поспешно напечатал Андрей, чувствуя, как учащенно забилось сердце.

«Вот URL, на который вам нужно зайти. Я прикрепляю краткую инструкцию, какую программу вам нужно предварительно установить и куда потом нажимать. Для успешной регистрации на сайте вам придется оплатить приличный взнос, только после этого вы получите возможность зайти в клуб и заполнить анкету. Рекомендую вам заклеить чем-нибудь вашу веб-камеру, если не хотите, чтобы за вами наблюдали, как это делаю сейчас я».

Андрей кинул удивленный взгляд на камеру на мониторе – она была выключена.

«Если огонек не горит, это еще не значит, что камера не работает», – прокомментировал собеседник.

Заплатив вторую часть оговоренной суммы, Немов некоторое время сидел за столом, переваривая полученную информацию. Все эти годы он ни на минуту не сомневался, что осуществит задуманное. Если ставишь задачу и не отступаешь, она обречена реализоваться. Он шел медленно, но без остановок, неуклонно приближаясь к заветной цели, что маячила невнятным заревом на горизонте, завораживая, гипнотизируя, вдохновляя. Он привык видеть ее изменчивое мерцание, так похожее на мираж. Он знал, что рано или поздно мираж обретет форму, но все-таки удивился, когда это действительно произошло.

Цель, такая далекая и фантастическая, внезапно приблизилась и стала реальной. Тут у кого угодно захватит дух.

Немов невольно усмехнулся, представив, как отреагировал бы нормальный человек, узнав о его желании. Сам Андрей не делил мир на добрый и злой и в своей мечте не видел ничего дурного. По большому счету нет никакой разницы, чего хотеть. Любые желания равноценны. Однако заикнувшись о морали общество позитивно воспринимает лишь самые распространенные: иметь семью, выгодную работу, красивый дом. Стоит заикнуться о чем-то ином – и тебя посчитают маньяком или душевно больным. Что ж, переделать общественное мнение он не мог. А вот оградить себя от его влияния – вполне. Достаточно держать рот на замке и просчитывать каждый свой ход.

В семь вечера Андрей выключил компьютеры и покинул кабинет, планируя поужинать где-то по дороге домой.

Ресторан оказался неожиданно полон, но свободное местечко нашлось. Андрею не нравилось большое количество народу, и если бы не зудящий голод, он бы развернулся и поискал другое заведение.

Официант проводил его к столику у окна, вручил меню и удалился.

– Господин Немов, ты ли? – раздался за спиной мужской голос. Андрей поднял глаза.

– Георгий Сергеевич, сколько лет!

Этот пожилой, с хищным, но открытым лицом мужчина был первым шефом, на которого работал Андрей. Он, еще студент без опыта работы, рассылавший резюме и не получавший отклика, заявился прямиком в приемную директора солидного банка и потребовал аудиенции. От подобной наглости онемела не только секретарша, но и сам босс, когда в его кабинет без разрешения ворвался посетитель. Андрей улыбнулся, вспомнив, как в течение получаса описывал потенциальному работодателю разработанные им новаторские предложения, позволявшие привлечь новых клиентов и увеличить процент вкладов. Потом полчаса повторял то же самое приглашенным в кабинет директора специалистам. На следующий день в его трудовой книжке уже значилась первая запись. Через четыре года Андрея, перспективного финансового аналитика, переманила конкурирующая контора.

– Не забыл имя-отчество, приятно, – сыронизировал мужчина и, не дождавшись ответа, продолжил: – Присоединишься к нам?

Андрей взглянул на соседний столик, за которым сидела синеглазая блондинка, спутница давнего знакомого.

– С удовольствием.

Разговор не слишком клеился: бывший шеф то и дело вспоминал старые времена и норовил подколоть сбежавшего сотрудника на счет корпоративной верности. Андрей оставлял язвительные ремарки без комментариев, понимая обиду экс-начальника. Тот возлагал на него большие надежды и увольнение посчитал едва ли не личным оскорблением.

Андрей нехотя рассказывал, «где он да как», иногда из вежливости задавал вопросы. Когда принесли ужин, беседа потекла в более расслабленном русле: о блюдах, о погоде. Он изредка посматривал на молоденькую подругу банкира. Ее кукольное лицо с пухлыми губами было напрочь лишено намека на интеллект. При такой девочке можно обсуждать какие угодно секретные планы и не опасаться утечки информации. Вряд ли она поймет хоть слово.

– Извините, отвечу на звонок, – Георгий Сергеевич поспешно вскочил с покрытого атласной материей стула.

«Жена, сто процентов. А любовнице внушает, что разведется», – подумал Андрей.

– У Гивы всегда столько дел, – прокомментировала блондинка с очевидной гордостью.

Андрей изобразил удивление:

– Оказывается, вы умеете говорить?

– А вы думали, я немая? Почему? – искренне любопытствовала барышня, не уловив сарказма.

– У вас внешность, как у игрушечной Барби. Знаете, за границей выпускают кукол в натуральную человеческую величину.

– Спасибо.

– Вы действительно считаете, что я сказал комплимент?

– А разве нет?

«Такая тупость очаровательна», – отметил про себя Андрей, а вслух произнес:

– Я вас сравнил с безмозглым резиновым изделием, пригодным лишь для удовлетворения похоти.

– У вас хорошее чувство юмора, – улыбнулась собеседница.

«Безнадежно».

– Я смотрю, тут дискуссия разгорелась? – Мужчина вернулся на прежнее место.

– Да нет, Георгий Сергеевич, помилуйте, какая тут может быть дискуссия? Я лишь объяснял вашей прелестной подруге, что вынужден попроситься.

– Что ж, рад был увидеться.

Андрей пожал протянутую руку, кивнул блондинке. Его раздражали встречи, оживлявшие прошлое и затягивавшие в водоворот воспоминаний. Его интересовало только будущее.

Он ехал медленно: колеса проскальзывали, над дорогой висела плотная белая пелена. Снег пошел несколько минут назад, но уже покрыл десятисантиметровым слоем улицы и дома, до неузнаваемости изменив город. Автомобили неторопливо катились по проспекту, дырявя снежный занавес светом фар, суетливые прохожие брели по тротуарам подобно поникшим белесым теням.

Андрей взглянул на себя в зеркало заднего вида. Он хорошо постарался, чтобы осуществить свою мечту. Он заслужил.

Софочка недовольно фыркнула вслед грубияну. Она не подала виду, что обиделась, но его презрительное отношение задело ее. Почему большинство мужчин считает, что если женщина красива и следит за собой, то у нее нет ни мозгов, ни души? Как будто красивая внешность исключает наличие других достоинств.

Ей захотелось плакать – настоящими, человеческими, отнюдь не кукольными слезами. Да, она не встречается в мужские разговоры, потому что все равно ничего умного не скажет. Но разве это плохо? Ей, по крайней мере, хватает такта не выпячиваться и не лезть со своим мнением, когда не спрашивают.

– Кто-то у нас грустит? – Гива приподнял ее подбородок.

– Как я могу грустить, если ты рядом. – Софочка поцеловала его в губы, заставляя себя переключиться. Переживать о всяких козлах – никаких нервов не хватит. Да кто он такой вообще!

– А кто он такой?

– Работал на меня, – объяснил любовник.

– Он мне не понравился.

– Ты моя славная, – умилился Гива. – Мороженое будешь?

Когда они вышли из ресторана, Софочка ахнула:

– Гива, ты только посмотри!

Мужчина недоуменно наморщил лоб.

– Неужели ничего не замечаешь? – Девушка захохотала и закружилась, раскинув руки в стороны. – Снег пошел! Первый снег!

Огромные хлопья лениво падали ватными кусками, закрашивая блеклые краски улиц в один плотный, монохромный цвет. Еще час такого снегопада – и город превратится в чистый манящий холст, на котором утро намалюет суетливый эскиз.

– Бейбичка, побаловалась, и будет. Прыгай в машину.

– Подожди, Гива, подожди! Красиво как! Может, в парк?

– Поздно уже. – Любовник нетерпеливо постучал по капоту, раздраженный задержкой.

«Какие вы, мужики, толстокожие», – Софья разочарованно просеменила к автомобилю. Обычно она садилась на переднее кресло, но сейчас нырнула назад, по-детски наказывая любовника. Она любила его общество, но сейчас хотелось спрятаться, стать невидимой.

За окном мелькали яркие пятна горящих окон, витрин и вывесок. Многоэтажные здания переваривали тысячи людей, будто морские млекопитающие, проглотившие косяк мелкой рыбы, и изредка отрыгивали ее из пасти подъездов.

Софочке почудилось, что она превратилась в одну из этих безликих рыбешек, лишенных индивидуальности и самосознания и безвольно влекомых течением.

«Нет, не смей так думать! – одернула она себя. – Любящий мужчина рядом, он заботится о тебе, а значит, все хорошо и не о чем волноваться!»

– Ты заснула, бейбичка? – Гива замялся и добавил: – Я не буду к тебе подниматься, не расстроишься? Завтра рано вставать, я устал.

Софья удивилась своей реакции: нет, она не расстроится. Даже вздохнет с облегчением.

– Жалко, – с притворной печалью протянула она.

Глава 5

Каким бы ни был результат обследования Тины, Крайтон четко решил, что пора позаботиться о светлом будущем своей семьи. Для этого он и пришел в захолустный бар в другом конце Чикаго. Раньше здесь любили собираться кое-кто из его старых знакомых. Присел у барной стойки, заказал пива.

«Публика не изменилась», – отметил про себя, посмотрев на бородатого мужика, который топтался у входа. «Сзади в брюки воткнут ствол, в правый ботинок – нож. И ведь так замаскировал – никто не заподозрит». Крайтон перевел взгляд на парочку неприметных латиносов. Они только что увидели друг друга, пожали руки. Обнялись, первый похлопал второго по спине. «Купля-продажа свершилась. Теперь покупатель пойдет в туалет и опробует первую дозу».

Не прошло и двадцати минут, как Томас услышал за спиной знакомый голос.

– Глазам своим не верю, сам Железный к нам пожаловал! Какими судьбами?

Когда-то длинноволосый Джонни был его закадычным другом. Вместе они приторговывали дурью и иногда грабили мелкие магазины. Удачный у них был союз, действовали нагло, но небезрассудно. Джонни всегда стремился заранее просчитать все риски. За день они, бывало, зарабатывали его, Томаса, нынешнюю недельную зарплату.

– Что, не вдохновила тебя жизнь законопослушного праведника? – усмехнулся Джонни, усаживаясь рядом.

– Праведник – не слишком прибыльная профессия, – отшутился Крайтон. – Разговор есть.

– Я догадался. Хочешь вернуться? – В интонации звучало скорее утверждение, чем вопрос.

Томас кивнул. Возвращаться он не хотел, учитывая, какую промывку мозгов ему устраивала Мэдди на сей счет. Но порой – когда ситуация безвыходная, – нужно игнорировать чужие советы и делать то, что сам считаешь правильным в данный момент.

Джон затянулся сигаретой, выдохнул дым в лицо собеседнику и рассмеялся, заметив мгновенно сжавшиеся кулаки.

– Ну-ну, спокойней. Сам понимаешь – времени прошло много, откуда я знаю, кто ты теперь? А, Крайтон? Может, ты стал копом?

Томас заиграл желваками, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не нахамить.

– Ты все такой же подозрительный, да?

– Благодаря этому качеству я все еще на свободе, – хохотнул Джон и примирительно хлопнул его по плечу. – Не нервничай. Я буду только рад, если ты снова начнешь работать. Я-то тебе верю. Но парням, с которыми я в деле, нужны гарантии. Им будет мало рекомендации типа «Принимайте новенького, хороший чувак».

– Слушай, Джон, я тебя никогда не подводил. Я хочу выбраться из нищеты. Да, я сглупил тогда, что ушел. Но ведь никогда не поздно исправить ошибку? – Томас прямо посмотрел на товарища. – Проверьте меня, если понадобится.

– Ладно, дружище. Я попробую что-нибудь придумать. Грех терять такой кадр. Твой удар по-прежнему приводит в нокаут?

– Я же сказал, проверьте, – улыбнулся Томас.

– Ха-ха, обойдемся. Я-то помню, как вы сцепились с Сэмом и как он потом шепелявил.

– Да, громила Сэм был опечален поражением. Как он, кстати?

– Помер он, – отмахнулся Джон, показывая бармену знаком налить пива. – Застрелили при попытке ограбления.

Томас сочувственно покивал, хотя сожаления по поводу трагической кончины знакомого не испытывал. Сэм был редкостным ублюдком, и ни у кого не вызывало сомнения, что он плохо кончит. Моральные рамки должны присутствовать, даже если ты занимаешься чем-то незаконным. Например, в уличных разборках Томас никогда не нападал первым. Если уж вынуждали драться – оборонялся, стараясь не слишком навредить противнику. Сэм же всегда норовил покалечить. Из-за этого-то они однажды и повздорили. Некоторые люди не понимают слов, и им приходится объяснять кулаками.

Беседа затянулась до полуночи. Крайтон вспомнил, что забыл предупредить Мэдди, и засобирался.

– Ладно, пойду я, – Томас достал из кармана несколько купюр и бросил на столик. – Жена волнуется.

– Женился-таки на своей Шоколадной? И в горе и в радости, пока смерть не разлучит? – ехидно ухмыльнулся Джон. У него было все то же обманчиво расслабленное, хитрое лицо; залысины по бокам лба увеличились, но он по-прежнему носил длинные волосы, которые завязывал в куцый хвост.

– Типа того.

Джонни метнул в него пронзительный взгляд:

– Тебе есть что терять. Не боишься?

– Боюсь.

Несколько долгих секунд Джон не сводил с него темных изучающих глаз, потом протянул руку:

– Давай тогда, удачи. Пересекаемся здесь же, через два дня.

После жаркого душного помещения уличный воздух приятно охлаждал лицо. Томас остановился и запрокинул голову, вглядываясь в мутное серое небо, остервенело сыпавшее вниз колкую крупу. В этом году зима наступила рано. Томас поднял воротник куртки, чтобы не задувало в уши, и потрянул головой, будто пытался сбросить с себя воспоминания о недавней встрече.

Да, он поступает некрасиво. Он обещал Мэдди не ввязываться в криминал и сдержал бы слово, если бы не крайняя нужда. Он мог быть терпеливым, мог год за годом перебиваться на унижительных малооплачиваемых, но легальных работах, только чтобы оградить жену от переживаний. Он покорно выполнял функции вышибалы, пытаясь приучить себя к мысли, что даже в бедности обретается счастье. Видит бог, он старался. Да только ни черта у него не вышло. И ладно бы, если бы от денег зависело только его душевное состояние. Он бы смог смириться с тем, что никогда не будет чувствовать себя по-настоящему счастливым. Но сейчас на кон поставлено здоровье дочери. При таком раскладе уже неважно, выиграешь ты честным способом или нет. При таком раскладе нужна победа любой ценой.

Раньше, когда выпадало много снега, они с Тиной играли на пустыре возле дома. Лепили снеговика, валялись в сугробах, обстреливали прохожих снежками. Мэдди обычно сперва стояла в сторонке, переживая, как бы ребенок не простудился, но потом не выдерживала и присоединялась к веселью. Крайтон заваливал ее в сугроб и валял в снегу, визжащую от восторга, точь-в-точь как в морозный день на озере Мичиган, когда сделал ей предложение.

Доктор говорил долго, подробно обрисовывая ситуацию:

– ...пониженная масса красных кровяных телец, благодаря которым осуществляется поступление кислорода к тканям организма. Этим и объясняется ее постоянная вялость и носовые кровотечения. Наблюдается также недостаток функционально активных белых кровяных телец, в чью задачу входит борьба с инфекцией. Пока нельзя точно сказать стадию, но то, что это лейкоз, не вызывает сомнений. Обнадеживать вас не хочу, необходимо провести

дополнительную диагностику. И уже после этого мы сможем разработать план лечения и понять, потребуется ли операция или есть шанс обойтись химиотерапией...

Мэдди стояла, зажав рот ладонью, словно сдерживала готовый вырваться крик, и переводила взгляд то на мужа, то на врача, то на дочку, которая лежала на больничной койке и выглядела довольно бодро. Томас не был уверен, что смысл сказанных доктором слов дошел до его сознания. Все это казалось чем-то неправдоподобным, ненастоящим... Его малышка тяжело больна? Разве такое возможно? Вот же она, немного напуганная и бледная, но никак не смертельно больная!

- Что от нас требуется? - холодно спросил он.

- Обследование займет несколько дней и обойдется вам приблизительно в две тысячи.

- Без проблем. Малышке нужна отдельная палата.

Доктор красноречиво кашлянул.

- Мы все оплатим, я же сказал, - раздраженно бросил Крайтон.

В коридоре Мэдди растерянно посмотрела на мужа:

- Откуда мы возьмем деньги? Господи, Томми, это ведь серьезно?

Он взял ее за руку и больно стиснул ладонь:

- Это серьезно, но мы справимся. Я возьму аванс и буду работать в две смены. Ничего страшного. Вылечим. Обязательно вылечим.

Мэдди смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы:

- Томми, я не переживу, если...

– Я обещаю, – Томас сглотнул подступивший к горлу комок. – Обещаю, что все будет хорошо.

Он зашел в магазин за десять минут до закрытия. У входа крутился пузатый охранник, нанятый скорее для солидности, чем для защиты. При виде нежданного посетителя с чулком на голове он проявил чудеса ловкости: отпрыгнул в сторону, выхватил дубинку. Томас оказался проворнее: сделал выпад вперед, обхватил кисть и резко вывернул. Легкий хруст и приглушенный стон – Крайтон успел зажать рот охранника ладонью. Далее последовал точный удар по затылку, вырубивший жертву на ближайшие несколько минут. Томас действовал практически бесшумно, продавец за прилавком ничего не услышал и здорово удивился, когда в его лоб уставилось дуло пистолета.

– Надеюсь, тебе хватит ума не нажимать кнопок? Ты знаешь, что делать. Складывай сюда, – прошептал грабитель, протягивая плотный целлофановый пакет.

Первый раз Томас отобрал деньги у одинокого туриста, который посчитал, что днем в беспокойном районе Чикаго ему ничто не угрожает. Следил за ним дольше часа, шел в отдалении, выжидая, когда же тот свернет в подходящий переулок. Когда турист заглянул в арку, ведущую к проходу в промышленную зону четырех заводов, Томас подобрался: лучшего места для нападения не найти! Иностранец, вероятно, увидел нечто любопытное и направился в пустынный закоулок, доставая из сумки фотоаппарат.

Возникший из ниоткуда подросток не привлек к себе внимания. Турист увлеченно снимал на камеру обшарпанные здания. Томас подкрался сзади и приставил нож к горлу. Лево́й рукой обшарил карманы, вытащил бумажник. Фотоаппарат тоже мог прихватить, за него бы дали неплохие деньги. Но решил не возиться. В конце концов, пусть у иностранца останется память о славном американском городе. Улов был небольшой, но этого хватило, чтобы понаблюдать за игрой «Чикаго булз» с лучшего места на трибуне.

– Тут подсобка есть?

Продавец испуганно кивнул.

– Где?

Томас жестом приказал ему проследовать в хозяйственное помещение, толкнул в спину, загоняя внутрь, и припер стулом дверь.

В двадцати ярдах от магазина стоял черный пикап без номеров. Томас быстро преодолел разделявшее их пространство, запрыгнул в салон, и машина резво рванула с места.

Томас стянул с головы чулок и передал пакет с деньгами Джону.

– По-моему, он справился. И весьма неплохо, – присвистнул длинноволосый, роясь в пакете. Двое парней, сидевших здесь же, переглянулись. Было件нятно, что в компании распорядился именно Джон. Крайтон не понимал, зачем тому понадобилось проверять его. Неужели действительно – не доверял? Или просто захотел по-легкому срубить немного денег за чужой счет?

Через двадцать минут пикап затормозил возле ветхого двухэтажного строения, предназначенного под снос и совершенно необитаемого. Разве что бомжи да беспризорники порой устраивали сходки и палили костры, чтобы обогреться или приготовить ужин.

– Наша штаб-квартира, – объяснил Джон, отмыкая массивную подвальную дверь и спускаясь вниз по ступеням. – Добро пожаловать.

Внутри пахло сыростью и бетоном. На широком столе в дальнем углу валялось огнестрельное оружие. В центре помещения расположились неожиданно изящный кожаный диван и низкий столик, обтянутый блестящим сукном. Два роскошных предмета мебели выделялись на общем фоне, как изысканная реклама для богачей в бесплатной газетенке.

– Ты не успел познакомиться, – продолжил Джон. – Это Ганс, он отлично разбирается в технике.

– Здорово! – невысокий парень с бесцветной внешностью приветственно отсалютовал.

– Вилли Вилка, – представился худой блондин с игриво-дебильным выражением лица и толкнул плечом товарища, мрачного бугая с впечатляющей

мускулатурой: – А это Сайлент Боб.

– Предлагаю выпить за нового члена группы, – Джон подтащил к дивану упаковку пива, достал бутылку, открыл об угол стола и сделал большой глоток. – Если в этом парне осталась хоть треть былого задора, то скучать нам не придется, а, Железный, верно я говорю?

– Говоришь ты верно, да не о том, – усмехнулся Томас. – Я бы предпочел сразу приступить к обсуждению чего-нибудь дельного.

– Ты в своем репертуаре, – рассмеялся Джонни. – И я с тобой чертовски согласен, старик. Не будем жевать сопли. Я уже заметил пару мелких банков. Охрану я промониторил, два престарелых копа – курам на смех. Опускающиеся защитные экраны на кассах не установлены. Сперва нанесем визит в один банк, а дня через три – в другой. Это дело посерьезнее, чем грабить мелкие магазины. Куш будет приличным, но и риски высоки. Любой просчет, любая ошибка – и нам хана. Поэтому, если кто сомневается, трусит или просто не согласен – лучше скажите сейчас.

Никто не произнес ни слова.

Домой Крайтон вернулся поздно. Мэдди ночевала у Тины в больнице, боясь оставить дочь одну хоть на минуту. Он прошел в комнату и тяжело опустился на диван. Квартира казалась непривычно пустой, как будто обитатели покинули ее в спешке, спасаясь от цунами или торнадо, готовых уничтожить хлипкое жилище, сровнять с землей.

Томас сидел, обхватив голову руками, и клял себя за то, что не обратился к врачам раньше. Они с Мэдди должны были отнестись серьезнее к маленьким изменениям в поведении дочери – в последние месяцы она вела себя чуть тише, чуть меньше бегала – как будто ей не хватало энергии. Доктор говорил, что нередко симптомы рака крови почти незаметны вплоть до острой стадии, когда организм больше не может сдерживать болезнь и начинает стремительно разрушаться. Тина всегда была такой активной, здоровой девочкой – она и не болела-то почти никогда – простужалась пару раз, вот и все. Откуда взялась эта напасть? Почему это случилось именно с его ребенком?

Через три дня необходимо внести первую сумму. Томас резко выпрямился, решительно сжав кулаки. Он достанет деньги. Налет планировали на следующую неделю, но он убедил парней не затягивать. Через три дня необходимая сумма будет у него на руках. Чего бы это ни стоило.

Томас не нервничал, скорее пребывал в нетерпении. Стрелки на циферблате двигались издевательски медленно, ему даже померещилось, что часы сломались. Он ждал в машине, припаркованной на другой стороне улицы, напротив банка. Рядом, на заднем сиденье, сидел Сайлент Боб, спокойный до отрешенности, спереди, на водительском кресле, – Ганс, выстукивавший пальцами на руле такт незнакомой мелодии. Все трое смотрели на стеклянные двери банка. Из них показался Джон, замаскированный до неузнаваемости. Фальшивая борода, парик, нелепые очки. Он даже засунул в ноздри две отрезанные детские соски, чтобы визуальнo сделать нос шире. Недавно он уже наведывался в банк на разведку, и его могли запомнить.

– Значит, так. Народа мало, парочка у кассы, один у стенда. Вилли беседует с менеджером. Слева от двери – охранник. Железный, он твой. Второй чуть дальше, у окна. Боб, берешь на себя. Все помните? Ганс, заводи.

Автомобиль плавно тронулся, отъехал за угол и остановился. Трое натянули на головы черные чулки с прорезями для глаз и, придерживая под пальто автоматы, двинулись к банку.

В дверях столкнулись с упитанным китайцем. Олуху вдруг понадобилось покинуть учреждение. Томас не дал толстяку опомниться, втолкнул его обратно в помещение с такой силой, что тот упал и проехал по полу несколько метров, врезавшись в стулья, словно шар в кегли. В ту же секунду Крайтон послал кулак в обрюзгшее лицо охранника. Тот охнул и осел – как будто у большого, двигающегося плюшевого медведя вынули батарейку. Томас ногой отшвырнул его пистолет, сдернул с пояса наручники, перевернул на спину, заломил поверженному противнику руки и защелкнул на них браслеты.

Сайлент Боб держал на прицеле второго охранника. Джон метнулся к кассам, а Томас схватил за шиворот Вилли, изображавшего случайную жертву, и приставил дуло к его виску:

– Обращаюсь ко всем присутствующим. Одно неловкое движение, которое я расценю как угрозу, и заложник умрет. А затем и вы.

В течение минуты в мертвой тишине был слышен лишь шелест купюр, сыпавшихся в сумку.

– Уходим, – скомандовал Джон и первым побежал к выходу. За ним последовал Сайлент Боб. Крайтон пятился задом, прикрываясь мнимым заложником, и оттолкнул его уже на улице. Они хлопали дверцами пикапа, когда воздух взорвался истошным воем включенной сирены.

Ганс вырулил на дорогу, встроился в поток и поехал как ни в чем не бывало, с улыбочкой проверяя в зеркале заднего вида, нет ли погони. Вилли Вилка остался в банке ждать полицию и давать показания, как и было запланировано. Выяснит, что к чему, а потом спокойно вернется на базу, где они будут его ждать.

Добрались без приключений. Подсчитали куш. Вышло по десять тысяч на брата – меньше, чем они рассчитывали. К тому же пришлось отложить часть денег на новую тачку. Нельзя светить дважды одну и ту же машину.

Они сидели в подвале, потягивая пиво и поджидая Вилку. Тогда же Томас узнал, откуда взялась его странная кличка. Большинство тех, с кем Вилли общался, считали, что прозвали его так потому, что в любых азиатских заведениях он отказывался пользоваться палочками и всегда просил вилку. Однако это была лишь верхушка айсберга. Настоящая история, случившаяся несколько лет назад, раскрывала истинный характер тощего, безвредного на вид Вилли. Однажды на сходке в баре он не поладил с кем-то из членов уличной банды (мужик недавно вышел из тюрьмы и вел себя агрессивно), и Вилли схватил подвернувшуюся под руку вилку и искромсал ею несчастного выскочку, изуродовав и порвав лицо и шею.

– С тех пор и повелось – Вилка да Вилка, – с улыбочкой закончил Джонни, пытаясь разрядить напряженную обстановку.

Но по-настоящему все расслабились, когда через два часа Вилли вернулся и сообщил, что сработали чисто и волноваться не о чем, зацепок у копов нет.

Джонни с явным облегчением поднял бутылку:

– Поздравляю с удачной операцией. Будем считать это разминкой, – он перевел взгляд на Томаса и подмигнул: – Мы отличная команда, Крайтон.

Томас заставил себя улыбнуться. Он надеялся на большее, учитывая те риски, которым он себя подвергал, участвуя в подобной аванюре. Однако и жаловаться грех – в конце концов, для одного дня он заработал отлично. Дальше будет лучше.

Впервые за последние недели он смотрел в будущее с оптимизмом. Благодаря удачной вылазке уверенность в собственных силах заметно возросла, и теперь Томас почти не сомневался, что выполнит данное жене обещание и вылечит дочь. Хватит ждать, что удача сама повернется к тебе лицом. Нужно силой хватать ее, как дешевую подзаборную шлюху, за волосы и объяснять, кто здесь главный.

Глава 6

«Мы отличная команда, Крайтон, – Айрин Сун переключила тумблер, выводя корабль из затяжного звездного прыжка, произведенного в аварийном режиме. – Я рада, что не убила тебя». «Ты так растрогалась из-за того, что нам удалось отбиться от атаки миротворцев? – Астронавт, сидевший в отсеке управления, сверил показания датчиков. – Похоже, система контроля Мойи восстановилась».

На телеканале началась реклама, Софочка вздохнула. Ей нравился фантастический сериал про отважного ученого Джона Крайтона. Испытывая космический модуль, он провалился в черную дыру и вынырнул на другом конце Вселенной, в центре битвы инопланетных рас.

Об увлеченности старым подростковым сериалом Софья подругам не рассказывала – стыдно. Современной девушке подобает иметь иные зрительские пристрастия – что-нибудь позаумнее и поскучнее. Видит бог, она искренне пыталась смотреть популярные интеллектуальные фильмы, но дольше двадцати минут не выдерживала – начинала зевать. Обычно, когда кто-то хотел обсудить с Софочкой последние киноновинки, она лишь поддакивала и отделивалась общими фразами, не рискуя признаться, что предпочитает старые

романтические комедии.

Она сварила кофе и досмотрела серию, попивая ароматный напиток из миниатюрной фарфоровой чашки. Сегодняшний день выдался бестолковым. С самого утра она не знала, чем себя занять. Гива приедет только завтра, Лиля с Эдиком улетели на Бали. От телевизора и компьютера рябило в глазах.

«Прогуляться, что ли?» – подумала Софья, останавливаясь у гардеробного шкафа. Ей нравилось подбирать наряды, сочетать разные вещи в единый стильный ансамбль.

Она выбрала белую дубленку, голубые шарф и берет и серые замшевые сапожки с белым меховым отворотом. Образ завершил серебряный перстень со светло-синим топазом. Этот драгоценный камень Софочка надевала только по вечерам или в пасмурные дни, потому что на солнце он тускнел и обесцвечивался.

Постепенно смеркалось. Софья брела по Мясницкой, разглядывая прохожих и слушая, как задорно хрустит под подошвами наст. На Чистопрудном бульваре на лавочках кучковались студенты, шумно обсуждали институтские занятия. Иногда девушка жалела, что так и не удосужилась поступить в университет. Ведь студенчество – особый, невероятный мир, который для нее неведом. Наверное, весело опаздывать на пары, учить предметы ночью перед экзаменом, а потом, успешно сдав его, отмечать конец сессии большой веселой компанией. На секунду Софье почудилось, что она упустила что-то важное, наполняющее жизнь новыми смыслами и эмоциями, но тут же прогнала неприятную мысль. Все у нее хорошо. Ничего она не упустила. Разве живущие в общагах студенты могут похвастаться тем, что несколько раз в год летают на море? А она может. И квартира у нее есть. И красивые шмотки.

Софья поискала глазами свободную скамейку. Смахнула перчатками тонкий налет инея и уселась, элегантно закинув ногу на ногу. Какое-то время она с полуулыбкой смотрела по сторонам, наслаждаясь студеным осенним вечером, но потом поняла, что притворяться перед самой собой довольно нелепо. Улыбаться ей не хотелось, да и вечер совсем не радовал. А все из-за странного тревожного чувства, поселившегося где-то в солнечном сплетении. Такое случается в парфюмерном отделе, когда на тебя обрушивается лавина манящих запахов. Ты напрягаешь обоняние, усердно раздувая ноздри... И вот уже готов поспорить, что угадал один, второй, третий знакомый аромат, но легкий поворот головы – и уверенность тонет в новой волне оттенков.

Софья так старательно пыталась идентифицировать непонятное чувство, что у нее разболелась голова.

И снова ни в мессенджере, ни в специально созданном электронном ящике не было новых сообщений. Андрей выстукивал по столу нервную дробь. «Почему они задерживают с ответом? Наводят справки? Проверяют истинность предоставленной информации? Если так, то, конечно, прошел еще слишком маленький срок. Следует запастись терпением. Не привыкать. Немов, ты теряешь невозмутимость, – укорил себя он. – Спокойнее!»

На соседнем мониторе кривая графика упорно ползла вверх. «Последние показатели индекса Доу-Джонса намекают на вероятность...» – курсор застыл на белом поле документа Word. Сосредоточиться на работе не получалось. Это не огорчало Андрея: принципиально важные дела он уже решил – хотя и с большим трудом. Радио, звучавшее тихим фоном, доложило: «Московское время семнадцать ноль-ноль».

Немов встал из-за стола и вышел из кабинета.

Смазливая секретарша в приемной поспешно отодвинула лак для ногтей и стала деловито рассматривать какие-то бумаги.

– Анна, я уезжаю на переговоры. Свяжитесь с аудиторским отделом, узнайте, когда они соизволят прислать материалы по моему запросу. Сегодня меня ни с кем не соединяйте.

Андрей не имел ни малейшего представления, куда едет. Ему просто хотелось убраться из офиса, подальше от необходимости общаться с людьми и принимать решения. Обычно у него не возникало проблем с тем, чтобы заставить себя работать. Он мог очень долго и очень терпеливо функционировать в жестком режиме, удивляя выносливостью и окружающих, и себя самого. Сила воли являлась, пожалуй, его самой знаменательной особенностью. Но сегодня утром он неожиданно понял, что выдохся. Надежная мощная машина жалобно фыркнула и заглохла посередине дороги, израсходовав последнюю каплю бензина.

Внешне это никак не отразилось, он давал все те же сдержанные краткие указания, дарил все те же дежурные улыбки и не откладывал на завтра то, что стоило сделать сегодня. Однако самому себе Андрей казался безмозглым, неповоротливым зомби, который раз за разом шагает в стену, бьется лбом, отступает, снова делает шаг вперед, стучается головой... Даже звуки изменились – как будто ему в уши насыпали песка, сквозь который шум внешнего мира просачивался уже искаженным, размытым.

Это состояние раздражало до чертиков. Но еще сильнее бесило нежелание исправлять его.

Немов вел автомобиль полубессознательно, выбирая направление наугад. Он бесцельно покружил по городу, припарковался у первого попавшегося сквера и вынырнул из салона в морозную свежесть улицы. Поднял воротник двубортного пальто, мало спасающего от холода, и огляделся: полупьяные студенты, пожилая чета, парочка малолеток. Андрей сунул руки в карманы и пошел вперед по аллее, поеживаясь от пробирающегося под одежду морозца.

Его внимание привлек женский силуэт, ярко выделявшийся в сереющих сумерках. Он казался неуместным, как праздничный марш на панихиде. Андрей замедлил шаг, с любопытством вглядываясь в сидевшее на деревянной скамье бело-голубое облако.

«Ишь, как все со вкусом подобрала, не придерешься», – лениво восхитился он. Лицо девушки показалось ему знакомым. Андрей остановился напротив, пытаясь вспомнить, где ее видел.

Когда она вскинула голову и их взгляды встретились, ответ тут же нашелся.

– Я вас не сразу узнал, – бросил Немов. – Вы умеете меняться.

– Это комплимент? Или вы подразумевали что-то гадкое? – Софья обворожительно улыбнулась. «Только бы он ступал дальше!» – взмолилась про себя. Но мужчина подошел ближе и присел рядом.

– Банальная констатация факта.

«Ах, сказать приятное девушке – ниже его достоинства», – рассердилась Софочка и никак не отреагировала. Но господина Немова тянуло побеседовать.

– Любуетесь? – он сделал неопределенный жест рукой.

– Да.

– А вы знаете, изначально Чистые пруды назывались Погаными.

Софочка приподняла плечико и промолчала, не понимая, чего от нее добиваются.

– Раньше на Мясницкой улице располагались скотобойни, отходы с которых сваливали в ближайшие пруды. Сами представляете, какая у водоемов была экосистема. Но в середине прошлого века один пруд засыпали землей, а второй почистили и обустроили как место отдыха горожан. После чего, собственно, и название изменили. Так что окружающая вас красота некогда была помойкой.

– Я не сильна в истории, – не сдержалась она. – Поэтому я просто сижу и получаю удовольствие.

– Философская ремарка.

– В философии я разбираюсь так же, как в истории.

– С момента нашей последней встречи вы успели пройти курс обучения остроумию? – сыронизировал Андрей.

– Да. Жаль, что вам не удалось посетить занятия, – Софа прикусила язык, чтобы перекрыть поток колкостей. Ей не нравились конфликты, но как еще дать понять этому нахалу, что его общество обременительно?

Андрей покосился на девушку с явной заинтересованностью. В ресторане, рядом с любовником, она вела себя как глупая кукла без собственного мнения, а сейчас очень напоминала живого человека.

– Удивительно.

- Что удивительно? – из вежливости спросила Софья.

- Разговариваю с вами уже десять минут и пока ни разу не зевнул, – с удовольствием отметил Андрей.

- Вы, наверное, хорошо выспались.

- А вы?

- И я.

- Георгий Сергеевич не мешал?

Софочка покрутила перстень, любуясь лазурными отблесками его граней. Считается, что в качестве талисмана топаз отгоняет печаль и позволяет распознавать «знаки судьбы». Но сегодня он, похоже, не работал. Она пристально посмотрела на Немова:

- Вы чем-то озабочены?

- Похвальная проницательность.

- Ух ты, меня похвалили? Может, даже конфетку дадите?

- Смотря что вы подразумеваете под конфеткой, – скабрёзно ухмыльнулся Андрей, заставив девушку покраснеть.

- Как вас зовут? – спросил он после паузы.

«Он даже не запомнил мое имя? – Она оскорбилась. – Подлец!»

- Софья.

- Сонь, а не наведаться ли нам вон в то кафе? – неожиданно предложил он, указав рукой. – А то я ушей от мороза не чувствую.

Собственная игривость позабавила Андрея. Напряжение последних недель постепенно отпускало, и даже звуки становились отчетливее, сочнее. Что-то было в этой девчонке своеобразное. Сразу не разберешь.

Маленький ресторанчик, уютный, как мышиная норка на рисунке из детской книги, Софочке понравился. Она заказала глинтвейн, решив, что лучше проведет вечер в сомнительной компании, чем в одиночестве в четырех стенах. Собеседник сразу же перешел на «ты», и странное дело – обычно коробившая ее фамильярность сейчас не разозлила. Новый знакомый вел себя самоуверенно, чего она тоже на дух не переносила, однако настроение это не портило. Создавалось впечатление, что под бравадой и саркастичностью он прятал что-то трепетное, личное, в чем никому не желал признаваться. По крайней мере, так ей хотелось считать.

Софья потягивала горячее вино с кусочками апельсина и ловила себя на том, что этот Андрей не так уж мерзок. Еще десять минут назад она не хотела с ним разговаривать – грубые и циничные типы ее пугали, – а теперь сидит, как курочка, щурится от удовольствия, перышки раздувает, того и гляди яичко золотое снесет. Неужели потому, что Немов перестал сыпать колкости и перешел на нормальный язык? Или ей попросту льстило его внимание?

– Скажи, Соня, чем ты занимаешься?

Вопрос поставил ее в тупик. Как это – «чем?» Живет и радуется.

– Ну... – замялась она.

– Есть цели, достижения? – подсказал спутник.

Софья неопределенно махнула рукой:

– Цели и достижения – атрибуты представителей сильного пола. А задача женщины – быть любимой.

– Серьезно? И больше ничего? – уточнил Андрей. – Со скуки не свихнешься?

– Разве скучно принимать знаки внимания?

– Разве нет? – Андрей рассеянно достал из пачки сигарету, вспомнил, что здесь нельзя курить, и засунул обратно.

– Меня устраивает, – Софья помолчала, играя трубочкой в бокале. – А что, твое существование наполнено великими планами?

– По крайней мере, желание имеется.

– Какое?

– Убить, – мужчина осекся. Слово вылетело случайно, и он мгновенно разволновался, с замиранием сердца ожидая ответа. Девушка не заметила его внутреннего дискомфорта:

– Я тебя так раздражаю?

– Ты – нет, – улыбнулся он.

– А кто?

– Никто не раздражает.

– Тогда почему ты хочешь убить? Нравятся чужие страдания? Или просто любопытно?

Андрей помолчал, не сводя с собеседницы глаз. Вероятно, девочка думала, что он шутит, однако ж задавала правильные вопросы.

– Страдания – нет. Я не садист. Скорее из любопытства.

– Понимаю, – многозначительно протянула та. – Тебе хочется поиграть в бога. Поставить себя на его место.

Немов удивленно вскинул брови, но промолчал. Софья между тем продолжала:

– А ты уверен, что справишься? Это ведь сложно. Таким поступком, наверное, уничтожишь часть себя.

– Сонечка, могу я задать тебе серьезный вопрос?

– Конечно! – едва ли не с ликованием ответила она. Ей редко задавали серьезные вопросы.

– Твоя фамилия, случайно, не Мармеладова?

– Нет. А почему ты спросил? – Она отхлебнула глинтвейн и облизала губы. – Вкусный.

– Ты читала классику? Достоевский, Толстой, Тургенев?

– Ну...

Андрей успокоился. На миг ему померещились в юной деве невиданные глубины, но то был оптический обман. Обычная пустышка.

Он отыскал глазами официантку и жестом попросил принести счет.

– Проводить тебя?

Софочка расстроилась. Она пригелась в удобном кресле. Лампа с красным абажуром излучала теплый розовый свет, развешанные на окнах гирлянды мигали синим и зеленым: до Нового года еще далеко, но некоторые суетливые владельцы уже украсили свои заведения. Покидать кафе не хотелось, но она не подала виду. Навязываться не в ее правилах. Андрей помог ей надеть верхнюю одежду.

– Я живу недалеко, минут десять медленным шагом, – объяснила она, повязывая шарф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/tatyana-kogan/personalnyy-apokalipsis-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)